

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Татьяна Шипошина

Ангелы не бросают своих

Татьяна Владимировна Шипошина

Ангелы не бросают своих

Серия «Лауреаты Международного конкурса им. С. Михалкова»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7921822

*Ангелы не бросают своих : повести / Татьяна Шипошина ; [ил. Н. Клименко].: Детская литература; Москва; 2015
ISBN 278-5-08-005369-6*

Аннотация

Сборник состоит из двух повестей – «Ангелы не бросают своих» и «Окончание сказки».

Бывают в жизни ситуации, когда кажется, что выхода нет и у тебя опускаются руки. Но помощь все-таки приходит, и притом оттуда, откуда ее совсем не ждешь: совершенно незнакомый байкер вдруг заметит тебя в толпе и станет ангелом-хранителем; больничная уборщица заставит поверить в себя; верные друзья помогут жить полной жизнью и не сдаваться, несмотря на страшный диагноз.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

О конкурсе	7
Ангелы не бросают своих	10
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	52
Глава 10	56
Глава 11	61
Глава 12	67
Глава 13	70
Глава 14	73
Глава 15	78
Глава 16	83
Глава 17	86
Глава 18	90
Глава 19	95
Глава 20	100
Глава 21	104

Глава 22
Конец ознакомительного фрагмента.

109

112

Татьяна Шипошина

Ангелы не бросают своих

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова

Российский Фонд Культуры

Совет по детской книге России

Куратор проекта *А. Архипова*

Оформление серии *А. Рыбакова*

Иллюстрации *Н. Клименко*

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Рос-

сийской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, каждые два года, что происходит до настоящего времени. Второй Конкурс был объявлен в октябре 2009 года. Тогда же был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ». В 2011 году прошел третий Конкурс, на котором рассматривалось более 600 рукописей: повестей, рассказов, произведения поэтических жанров. В 2013 году в четвертом Конкурсе участвовало более 300 авторов.

Отправить свое произведение на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные рукописи два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

В 2014 году издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. Эти книги помо-

гут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Ангелы не бросают своих Повесть

Глава 1

*Люди лучше своих поступков.
Мартин Лютер Кинг*

Андрейка, которому на днях исполнилось семь с половиной лет от роду, топал в магазин за хлебом и молоком. Он давно уже ходил в магазин самостоятельно, и на то имелись свои причины. Вот и сейчас мама написала ему на половинке тетрадного листка список продуктов, которые требовалось купить. Для памяти написала, чтоб не забыл.

Могла бы и не писать! Андрейка и так запомнил: хлеб, молоко, пачка маргарина. А на остаток (на то, что останется от ста рублей) – что-нибудь сладенькое. Булочку или конфеты.

Возражать маме Андрейка не стал: пусть пишет! Тем более что читать он уже умел и даже умел писать! Правда, не очень красиво...

В этом году Андрейка закончил детский сад. Как только наступит осень, он пойдет в первый класс.

Стоял теплый, чуть ветреный денек, какие бывают в начале московского лета. Андрейка что-то напевал себе под нос. Дойдя до перекрестка, удостоверился, что машин на улице нет, и быстро-быстро перебежал на другую сторону.

Сказать по правде, он мог бы и не переходить дорогу. Для того чтобы попасть в продуктовый магазин, требовалось просто повернуть за угол и пройти вперед метров двести.

Но у Андрейки имелась маленькая (небольшая такая) тайна. На той стороне улицы, куда он перебежал, располагался распрекрасный таинственный и недоступный магазин. Магазин музыкальных инструментов!

Если Андрейке случалось оказаться на этой улице, он все-

гда перебежал дорогу, чтобы постоять у витрины музыкального магазина. Он останавливался и смотрел.

Стоило ему только взглянуть на какой-нибудь инструмент, выставленный в витрине, как тот начинал звучать. Негромко, конечно! Никто не слышал, как инструменты откликаются на взгляд Андрейки. Как звенят струны гитары, как тренькает балалайка, как гудят трубы и флейты разных форм и размеров.

В голове Андрейки звучала музыка. Инструменты ее слышали. Звучание инструментов складывалось в оркестр.

Инструменты из своей витрины поглядывали на Андрейку, словно спрашивая его:

«Ну, что нам играть дальше?»

Андрейка, как заправский дирижер, скидывал руки и показывал, в какую сторону должна поворачивать мелодия.

– Та-та-тата! Теперь та-та!

Вы думаете, Андрейке не хотелось зайти внутрь магазина?

Конечно, хотелось!

Думаете, он туда не заходил?

Конечно, заходил!

Однажды Андрейка действительно просочился в прокладную и торжественную внутренность магазина. Затаив дыхание, шел он вдоль полок с инструментами. И тут резкий окрик остановил его.

– Эй, ты что тут делаешь? – навис над ним продавец.

Он был немолод и лыс. На его носу сидели большие очки.

Его голос дребезжал так, что на фоне музыки, которая звучала внутри Андрейки, казался фальшивой нотой.

Андрейка вздрогнул.

– Я... я смотрю...

– Иди-ка ты отсюда, мальчик, да побыстрее, – подтолкнул его к выходу продавец. – Нечего тебе здесь делать! Здесь нет никаких кукол, никаких мячиков! И солдатиков нет, и машинок тоже нет!

– А мне...

Андрейка хотел сказать, что ему не нужны машинки, а тем более куклы. Что он пришел именно туда, куда хотел. Что ему так хочется потрогать, хотя бы одним пальцем, настоящую гитару или скрипку... Но...

– Иди, иди! Нечего тебе тут, мальчик, делать! А то испортишь что-нибудь – твои родители век не расплатятся!

Продавец, можно сказать, вытолкал Андрейку из магазина.

Насчет родителей продавец был прав. Если бы Андрейка что-нибудь испортил, расплатиться оказалось бы сложно. Это точно.

Глава 2

Итак, Андрейка стоял у витрины музыкального магазина.

Может быть, он стоял всего пять минут. Или десять. Или двадцать. Дальше перечислять не стоит потому, что это не имеет значения. В голове у Андрейки звучала музыка, и он управлял ею. Он заставлял музыку то шелестеть, как листва, то журчать, как ручеек, то налетать, как ветер, то стелиться, как облака...

И сам Андрейка вместе с музыкой шелестел, журчал, налетал и стелился. Он уже не видел ни улицы, ни витрины. И не только потому, что закрыл глаза.

Музыка звучала, звучала... Потом она стала затихать и почти закончилась... Тоненько вздохнул какой-то инструмент, и все стихло.

Андрейка снова оказался на улице и вспомнил, что ему надо в продуктовый магазин. Кивнув на прощание инструментам, выставленным в витрине, Андрейка быстро побегал вперед, до перекрестка. На следующем перекрестке стоял светофор, и Андрейка спокойно перешел к магазину на зеленый, пристроившись за какой-то женщиной.

В магазине Андрейка встал в очередь и сразу же принялся разглядывать витрину, выбирая, что бы такого вкусенького купить на оставшиеся деньги.

В детском саду их не учили считать до сотни, но Андрейка

как-то сам научился вычитать и складывать.

Наверно, потому, что давно уже бегал в магазин за покупками. Мама доверяла ему и сто рублей, и двести. Один раз даже пятьсот дала!

Андрейка считал, считал сдачу... и научился считать до пятисот!

Очередь подошла незаметно.

– Что тебе, мальчик? – спросила продавщица.

– Батон, молоко... пачку маргарина...

– А деньги у тебя есть?

– Есть!

И тут...

Андрейка раскрыл ладонь... Вот листик, исписанный мамой... А где же сто рублей?

Андрейкино сердце застучало часто-часто. Он полез в карман шортов... в другой карман... зачем-то заглянул за ворот футболки...

Деньги исчезли.

– Мальчик, не задерживай очередь, – проворчали сзади.

– Иди поищи, – сочувственно произнесла продавщица. – Может, где-то в магазине обронил. Сколько у тебя было денег?

– Сто рублей, – пробормотал Андрейка.

– Граждане, никто ста рублей не находил? – громко спросила продавщица.

Граждане засуетились и стали смотреть себе под ноги.

Нет. Никто ничего не находил. Опустив голову, Андрейка отошел от прилавка.

Продельвая только что пройденный путь в обратном направлении, он, конечно, еще на что-то надеялся. А вдруг!

Вдруг его сто рублей лежат на полу магазина... или на ступеньках... или на переходе... или возле светофора... или на улице... или возле музыкального магазина...

Так Андрейка снова оказался около музыкального магазина. Обычно на обратном пути он уже не заходил сюда. Потому что тяжело тащить полный пакет, и вообще...

Возле музыкального магазина ста рублей тоже не нашлось.

Всё. Больше у Андрейки не оставалось надежды найти пропажу. Где-то там, в глубине души, он понимал, что потерять деньги мог только здесь, когда дирижировал оркестром...

Может, ветер унес сторублевою бумажку в далекие края, а может быть, кто-то из прохожих подобрал ее и теперь, радуясь находке, покупает себе булочки и конфеты...

Не в силах двинуться дальше, Андрейка присел на ступеньку возле входа в музыкальный магазин.

Очень, очень обидно. Ох, как обидно, как жалко!

Знал Андрейка, что он потерял не просто сто рублей. Он потерял «посчитанные» сто рублей. Значит, хлеб и молоко придется покупать только завтра. А уж о конфетах можно и вовсе забыть...

«Как мама расстроится!» – подумал Андрейка и чуть не заплакал.

Он бы и заплакал, но тут в его голове совершенно неожиданно зазвучала музыка. Тоненько и мягко запела труба...

Может быть, и не труба. Может быть, флейта или гобой. Андрейка ведь не знал названий инструментов.

Вернее, знал, но не все. Тем более он не представлял, как звучит каждый из них. Он называл про себя этот мягкий звук «трубой номер 2». «Труба номер 1» звучала звонко, а эта – словно пела.

Инструменты сочувствовали Андрейке. Они начали выводить для него мелодию потери.

Вот тут Андрейка не выдержал и заплакал. Как маленький, размазывая по щекам слезы.

Глава 3

Люди шли по улице мимо Андрейки, никто не обращал на него внимания. И тут...

Музыка прервалась. От грохота.

Рядом загрохотало, затарахтело, завоняло бензином и еще чем-то, и через мгновение над Андрейкой что-то нависло – большое, черное, все в металлических заклепках. Из кожи и заклепок торчала рыжеватая борода, а между бородой и черной банданой поблескивали два серых, чем-то навеки удивленных глаза.

– И чего это мы тут слезы пускаем? – задвигалась в такт словам борода.

Андрейка не смог ничего произнести. Не успел.

– Эй, шкет, кто тебя обидел? – не отставала рыжеватая борода.

– Я не шкет, – наконец произнес Андрейка.

– А кто же ты? – усмехнулась борода.

– Андрейка.

– Андрейка! – Владелец бороды выпрямился во весь свой богатырский рост. – Эх, Андрейка, слёз не лей-ка! Чего ревешь-то?

– Сто рублей потерял, – вытер щеку Андрейка.

Казалось, гром небесный зарокотал. Это великан засмеялся.

– Ой, держите меня! Сто! Ха! Рублей! Ха! Он! Ха! Потерял! Ха-ха! И ты из-за этого рыдаешь?

– Не смешно, – ответил великану Андрейка. – Мне надо было купить батон и молоко... и пачку маргарина... и...

Про булочку и конфеты не стоило распространяться перед первым встречным.

– Мама ждет, когда я продукты принесу. Она расстроится...

– А папа?

– Папы у нас нету. А мама болеет. А вам какая разница? Вам вообще-то все равно... Можете смеяться сколько хотите.

– Почему это мне – и «все равно»?! – прекратил хохотать великан. – Мне совсем не все равно! Я – волшебник, между прочим! Ты разве не знаешь: я всегда прихожу на помощь тем, кто потерял сто рублей. Я, конечно, не могу возместить потерю тому, кто потерял, например, миллион. Но те, кто потерял сто рублей или даже двести – это вообще моя специализация. Хоп? Понял?

– Не-а! – честно признался Андрейка. – А разве волшебники бывают?

– Мало того, что ты растеряша, так еще и не догоняешь! – Великан щелкнул Андрейку пальцем по носу. – Во-первых, волшебников кругом хоть пруд пруди. А во-вторых, сейчас я зайду в этот магазин, а потом мы с тобой отправимся на поиски волшебной сторублевки! Согласен? Пойдешь со мной

в магазин?

Андрейка уже стоял на лесенке. Он во все глаза рассматривал великана с рыжеватой бородой, в черной кожаной куртке с заклепками, кожаных брюках и огромных высоких ботинках. Ему вдруг очень захотелось спросить этого великана: где он взял такие ботинки? Ведь таких не бывает! Ну просто не бывает!

Но Андрейка не успел задать рыжему великану даже четвертинку вопроса. Огромная ручища уже подталкивала его ко входу в музыкальный магазин.

Продавец аж выскочил из-за прилавка, увидев бородатого покупателя.

– Ах, а-ах! – запрыгал он вокруг. – Ох, о-ох! Чего изволите?

Великан повел могучими плечами.

– Струны для гитары, – пробасил он. – И попрочнее!

Андрейка вдруг представил, что этот великан играет на огромной гитаре, а вместо струн натягивает на нее железные канаты разной толщины.

В это время продавец наклонился над Андрейкой и потрепал его чуб.

– Какой у вас прекрасный сынишка! – глядя на великана снизу вверх, залопотал он. – И как на вас похож!

– Поменьше болтайте! – осадил его великан. – Вот эти струны возьму. Сколько?

Пока великан расплачивался, Андрейка потихоньку его

рассматривал.

«Неужели я правда похож на него? – думал он. Я ведь почти не рыжий... ну, только чуть-чуть рыжеватый...»

О том, что он, Андрейка, мог бы быть сыном такого вот огромного и, видимо, доброго человека, у него даже мысли не возникало. Вернее, мелькнула мысль, но сразу же исчезла.

Просто он уже знал кое-что. Знал, что когда сильно мечтаешь о чем-то хорошем, потом бывает очень больно, если это хорошее не сбывается.

Глава 4

- Где ты, мой любимый и прекрасный? – повел плечищами великан, выходя из магазина.
- Вы про кого? – не понял Андрейка.
- Вот. – Великан погладил свой блестящий мотоцикл. – «Харлей».
- Вы байкер!
- Догадался наконец-то! – усмехнулся рыжебородый. – Так что тебе надо было купить на твою сторублевку? Батон?
- Молоко и пачку маргарина...
- Тогда чего стоишь? Садись! Вторым номером будешь! Сейчас потормозим с тобой до продуктового магазина.
- Как это – потормозим? – удивился Андрейка.
- Поедем, только потихоньку. Залезай!
- Страшно стало Андрейке. Но виду он не показал. Полез на заднее сиденье. Вцепился в него что есть силы.
- Мотор взревел! Сердце Андрейки упало до самых пятток. Он ничего не чувствовал, ничего не видел, кроме кожаной куртки бородатого великана перед глазами. Короткий путь до продуктового магазина показался Андрейке бесконечным.
- Ну, как ты? – оглянулся байкер. Ох, и смеялись глаза бородача! – Первый раз, что ли?
- Угу, – только и мог произнести Андрейка.

Слов у него не было. Все слова куда-то улетели. Коленки дрожали даже тогда, когда они оба – он, Андрейка, и байкер – оказались в магазине.

Рыжебородый набирал себе продукты. Колбасу, сыр, масло, пиво, еще что-то. Андрейка молча наблюдал за ним и за тем, как смотрят на великана люди в магазине: и продавцы, и покупатели. Правда, редкий человек... Большой... с рыжеватой бородой... в бандане и коже... в здоровенных ботинках с какими-то железными нашлепками... и вообще...

– А теперь еще раз! Батон, литр молока, пачку масла, – перечислял великан. – Чего тебе еще? А-а... полкило колбасы, полкило сыру. Килограмм яблок, пакет пряников. Чего? Да, шоколадку. Не, не эту. Вон ту, большую. Ну, кажется, всё. Да. В два пакета. Сколько? Спасибо!

Из магазина они вышли молча.

Бородач упаковал пакеты с продуктами и скомандовал:

– Залезай! Только лучше садись впереди меня. А то мал ты еще для второго номера.

– Я же сто рублей потерял, – наконец обрел дар речи Андрейка. – А вы мне накупили на двести. Или на триста.

– Волшебники сторублевков не наблюдают, – ответил рыжебородый, садясь на мотоцикл. – Чего стоишь? Вперед!

Эх, как жаль! Жаль, что никто из мальчишек со двора не видел, как приехал Андрейка домой на мотоцикле марки «Харли-Дэвидсон»! Как привез его домой бородатый великан, почти что волшебник... Как...

– Ну, хой!¹ – протянул великан для рукопожатия свою большую ладонь. – До свидания, Андрейка. Держи свой волшебный пакет.

Ух и тяжелым оказался пакет!

Мотор взревел.

– Дядя! Дядя! Подождите! – опомнился Андрейка. – Спасибо! Спасибо вам! А вы... А вас... А... А как вас зовут?

– Зовут? Ха! Ангел! Вася-Ангел! Вот как меня зовут!

– Это что, кличка такая?

– Ну, брат, ты меня обижаешь! – Вася-Ангел заглушил мотор. – Что это за слово такое поганое – «кличка»! Это, брат, имя такое!

– А разве есть такое имя – Ангел?

– Есть, конечно. Если стал байкером, нужно обязательно получить новое имя. Хоп?²

– Что – «хоп»?

– Понимаешь?

– Да. А почему Ангел?

– Потому. Ну ладно, слушай. Однажды, когда я толь-

¹ Хой – до свидания (*байкерский сленг*).

² Хоп – понимаешь (*байкерский сленг*).

ко-только прикупил себе первый байк... колбасился я... – Вася-Ангел посмотрел на Андрейку и поправился: – Ехал я по шоссе... Глядь, впереди КамАЗ груженный, и несется он прямо на меня. Ну, тут я и кричу: «Поднимите меня, ангелы небесные!»

– И что? – Андрейка и верил, и не верил Васе.

– Что? Ничего. Подняли ангелы мой «харлей» и перенесли его через КамАЗ. И поставили так аккуратненько, прямо на шоссе. И сказали мне...

Тут Вася-Ангел снова завел мотор. Мотор заревел.

– Что, что они сказали? – закричал Андрейка.

– «Не будь дураком, Вася!» – вот что они сказали! Ха!

– Вася! Ангел! Ты приедешь еще?

– А ты хочешь?

– Да! Да! Ангел! Приезжай! Улица Рассветная, дом двенадцать, квартира сто десять!

Вася-Ангел махнул рукой в кожаной перчатке с отрезанными пальцами и резко рванул с места. Через секунду только сизое облачко дыма напоминало о том, что здесь только что стоял мотоцикл. Настоящий «Харли-Дэвидсон», блестящий разными железячками.

Так и не понял Андрейка, расслышал Вася-Ангел его адрес или нет.

Глава 5

Ох, как обрадовалась мама, когда Андрейка дотащил домой пакет с продуктами!

Мама с Андрейкой жили в небольшой двухкомнатной квартирке, на четвертом этаже пятиэтажного дома. В не новом, но и не центральном московском районе.

Мама воспитывала Андрейку одна. Мамина мама и мамин папа рано умерли, и Андрейка их помнил очень смутно. А вот своего папу Андрейка никогда не видел.

Жизнь у Андрейки с мамой протекала спокойно, пока у мамы не подкачало здоровье. Сначала маме сделали операцию, а потом ей приходилось часто и подолгу лежать в больнице. Даже если она в больнице не лежала, она все равно ездила туда на осмотры.

На шее у мамы теперь виднелся шрам после операции. Если мама выходила на улицу, она повязывала на шею маленькую косыночку.

– От нескромных глаз, – так говорила мама.

Уже год, как мама болела. Работать журналисткой, как прежде, не могла. Правда, она старалась не падать духом, при Андрейке не плакала и не жаловалась. Мама даже пыталась подрабатывать, сидя у старенького компьютера и набирая, а так же редактируя разные тексты для разных людей.

Бюджет маленького семейства состоял теперь из маминой

пенсии, какого-то пособия и того, что удавалось маме заработать в промежутках между нахождением в больнице и другим лечением.

Мама-то старалась не плакать и не жаловаться, а вот соседка, тетя Вера, та не сдерживалась, когда оставалась присматривать за Андрейкой.

– Уж ты бедный-разнесчастный! – причитала она. – Что же будет с тобой? Куда пойдешь? Ведь твоей маме недолго...

– Никуда я не пойду, тетя Вера! Я дома буду жить, – не соглашался с соседкой Андрейка.

– Ох, ох, ох! – вздыхала соседка.

От тети Веры и услышал Андрейка страшное слово «рак». И еще более страшные слова: «метастаз в легкие» и «Свете недолго осталось».

Это Андрейкину маму звали Света. Но Андрейка не верил, что страшные слова тетя Вера говорит о его маме.

Конечно, не мог он понять до конца, что происходит. Он жалел маму. Он думал, что еще немножко – и мама выздоровеет! Мама поправится, и они снова заживут, как раньше, – перестанут считать сторублевки, оставшиеся до маминей пенсии, будут ездить на прогулки в парк, кататься на водном велосипеде, объедаться мороженым.

Но пока...

Пакет с продуктами, купленный незнакомым бородатым байкером, очень пригодился маленькому семейству. Мама долго не могла поверить рассказу Андрейки, но, в конце кон-

цов, что ей оставалось делать? Только достать продукты из пакета и положить их в холодильник!

В тот день мама с Андрейкой устроили пусть и небольшой, но «пир на весь мир». Ели бутерброды с сыром и колбасой, пили чай с пряниками, заедали шоколадкой. Мама хотела оставить шоколадку Андрейке, но он воспротивился и сам всё разделил точно поровну.

– Вот вырасту – буду много денег зарабатывать, – говорил Андрейка. – Ты, ма, подожди чуть-чуть. У нас столько будет шоколадок – даже в шкаф не влезут!

– Ох, Андрейка-Андрейка, ты моя канарейка! – улыбалась мама. – Как бы мне хотелось дождаться! Всего каких-то десять лет, пока ты школу закончишь. И еще каких-то пять лет, пока закончишь институт. Всего каких-то пятнадцать лет, и всё!

– Ма, я могу учиться в институте и на работе работать! Так что не пятнадцать лет! Меньше.

– Ладно, – смеялась мама. – Меньше так меньше. Тогда я обязательно дождусь! Мне же так хочется посмотреть, каким ты станешь, когда вырастешь.

– Я...

Тут Андрейка, совершенно не задумываясь, рассказал маме, каким он хочет быть. Ростом – под два метра. Большим, сильным, и обязательно, чтоб выросла борода. Желательно рыжая. А вот ходить по городу он будет в кожаной куртке, бандане и ботинках с заклепками.

– Мама, если бы ты его видела, он бы обязательно тебе понравился!

– Кто? Твой Вася-Ангел?

– Да, Вася-Ангел! Он обещал, что еще приедет!

– Обещал?

– Да! Он так... рукой махнул...

– Андрейка, ты пойми: бывает, люди на словах клянутся и даже письма пишут. Но не возвращаются. А тут... Какой-то байкер рукой махнул! Что, у байкеров своих дел нет? Думаешь, твой Вася спит и видит, как ему приехать в гости к Андрейке?

– Приедет!

– Ну, дай-то Бог... – вздохнула мама. – А вообще, спасибо твоему Ангелу. Вот как он сегодня нас с тобой пряниками побаловал и бутербродами. Спасибо!

Когда Андрейка заснул, ему приснился странный сон. Во сне он увидел, как на огромной кровати спит огромный Вася-Ангел и Васе снится сон о том, что пора уже собираться, заправлять мотоцикл и ехать в гости. Улица Рассветная, дом двенадцать, квартира сто десять. Четвертый этаж, квартира направо. К Андрею...

Глава 6

Каждый день Андрейка выглядывал в окно, как только слышал шум мотора. Если гулял во дворе или ходил, как всегда, в магазин, то так вертел головой, что, казалось, глаза его оказывались на затылке. Только никаких «харлеев» во дворе не появлялось.

Да еще Андрейка имел неосторожность рассказать про байкера мальчишкам со двора. И они начали его дразнить: – Эй, Канарейка! Гляди, байкер едет!

Андрейка сначала поворачивался и искал, откуда едет байкер, чем вызывал еще больший хохот. Потом он перестал поворачиваться.

Особенно усердствовал в дразнилках Лёнька Прушевский из соседнего подъезда. Лёнька уже в третий класс перешел, вот и чувствовал себя во дворе главным. Мало того, что у него был папа, так еще у Лёнькиного папы имелась самая крутая машина во всем дворе – «тойота».

Иногда отец возил Лёньку на машине в школу и забирал из нее. И еще – Лёньку возили три раза в неделю в музыкальную школу по классу рояля.

Дома у Прушевских стояло пианино, бедное, несчастное пианино, регулярно мучимое Лёнькой. Лёнька «музыкалку» ненавидел, о чем жаловался всем ребятам во дворе. Все ему сочувствовали, кроме Андрейки.

Потому что Андрейка мечтал о музыкальной школе. Эх, он бы все отдал за этот «класс рояля», да только не предвиделось Андрейке ни рояля, ни класса. Но об этом он никому не рассказывал: хватило ума. А вот на байкера – не хватило.

Впрочем, мальчишки смеялись над Андрейкой недолго. Лето же началось! Кого увезли на дачу, кто поехал в оздоровительный лагерь. Во дворе остались Андрейка да еще Саня, у которого путевка в лагерь оказалась на вторую смену, а дачи не было. Никуда не поехали еще несколько девчонок, но это не в счет.

Что с того, что над Андрейкой перестали смеяться! Самое главное не это! Самое главное, что прошел день, потом – второй, потом прошла неделя, а Вася-Ангел так и не появился. И вторая неделя началась и продолжалась...

Мама гладила Андрейку по голове, вздыхала и говорила что-то вроде:

– Ну не расстраивайся! Знаешь, я ведь у тебя есть. И ты – у меня. Не все так страшно, правда?

Андрейка хлюпал носом.

– Согласись, – продолжала мама, – он же тебе ничего не обещал. Он же просто махнул рукой, как машут на прощание. Да?

– Нет, он по-другому махнул, – возражал сначала Андрейка.

Но после того как прошла неделя, Андрейка стал думать, что мама, может быть, и права. Человек просто махнул ру-

кой на прощание, и всё. Он, Андрейка, ошибся. Значит, сам виноват!

Только не легче ему становилось от этих размышлений. А тут еще маме пришло время лечиться. Целую неделю Андрейке предстояло пробыть под присмотром тети Веры.

Это не предвещало ничего хорошего. Тетя Вера, конечно, женщина добрая, но каждые пять минут говорит о том, что она, мол, отвечает за жизнь и здоровье Андрейки. Как будто от того, что она «отвечает», со здоровьем может что-то произойти.

Тетя Вера даже во двор отпускала Андрейку гулять только тогда, когда сама сидела на лавочке с соседками. Присматривала! И в магазин его одного не пускала, а заставляла идти рядом с собой. Даже за руку держала, когда надо было улицу переходить.

Вечером, накануне того дня, когда маме предстояло лечь в больницу, Андрейка сидел дома. Мама потихоньку собирала вещи, которые могли ей понадобиться. Положила полотенце, кружку, ложку, домашние тапочки, халатик, книжку.

Подошла к Андрейке, прижала к себе.

– Сынок...

Андрейка обнял маму.

– Мамочка! Все будет хорошо! Ты выздоровеешь! Ты же выздоровеешь?

– Да, сынок...

Одной рукой мама обнимала Андрейку, а другой – смахивала слезинку со щеки.

Так они и стояли обнявшись...

Вдруг резко, громко и неожиданно зазвонил звонок. Мама и Андрейка вздрогнули.

– Тетя Вера, наверно, беспокоится. – Мама оторвалась от Андрейки и пошла открывать дверь.

Щелкнул замок, и Андрейка услышал, как мама удивленно протянула:

– Здра-а-а...

Глава 7

На пороге их квартиры стоял Вася-Ангел.

– Вася! Ангел! – закричал Андрейка.

Он бросился бы на шею Васе, но в узенькой прихожей их квартирки втроем не разойтись.

Андрейка заплясал за спиной у мамы.

– Вася... Проходите, пожалуйста, – пригласила гостя мама, пятясь назад.

Вася с трудом протиснулся в прихожую. Правильнее будет сказать, что Вася заполнил собой всю малогабаритную прихожую.

– Здравс-сьте... Можно, я не буду снимать ботинки? – спросил Вася.

Мама кивнула. Еще бы! Ведь если такие ботинки снять, то потом же долго шнуровать придется!

– Хай!³ Ну, это... Здравствуйте. Ты как? – наклонился Вася к Андрейке и потрепал его по голове.

– Вася! Я так тебя ждал, так ждал! – не выдержал Андрейка.

– Ну извини. Дела были. А теперь все дела сделаны.

– Так вы и есть волшебный байкер Ангел? – улыбаясь, спросила мама.

– Угу. Вася. Ангел. – Вася церемонно, как только мог, по-

³ Хай – здравствуй (*байкерский сленг*).

клонился маме Андрейки и протянул ей свою огромную ручищу.

– Света, – улыбнулась мама. – Так вот вы какой... А я думала: «Наверно, привирает Андрейка...»

– Я не привираю! – возмутился Андрейка.

– Он не врет, – подтвердил Вася. – Я такой. И даже еще лучше.

– Лучше некуда, – еще раз улыбнулась мама.

Они с Васей стояли рядом. Мама худенькая, невысокая, бледная. Ее макушка едва доставала до Васиного плеча. Кожа на лице у мамы прозрачная, даже чуть желтоватая. На висках – синеватые жилки.

А Вася... Ну, Вася как Вася... Мало того, что в бороде рыжина, так еще и красновато-кирпичное, обветренное лицо.

– Может быть, чаю с нами попьете? – предложила мама.

– Ну я, в общем, вот чего приехал, – невпопад ответил Вася. – Мне пацан сказал, что вы болеете. А у нас рок-фестиваль намечается.

– И какая же тут связь? – спросила мама.

– Поехали со мной! Четыре дня всего! Приглашаю обоих.

– Ох! – Мама схватилась за сердце. Она прошла вглубь комнаты и опустилась в кресло. Наверно, не смогла устоять от такого предложения. – Это... как? – наконец сумела спросить она.

– Молча! Сели – и вперед! Палатка есть. Ну, того, погода,

природа, музыка...

– Ну-у... – не поверила мама. – Спасибо, конечно. Но... Вы поймите... По телевизору показывают, *что* там творится, на ваших фестивалях. Всякие безобразия. Алкоголь, наркотики и прочее.

Зря она это сказала... Андрейка хотел было крикнуть: «Нет! Мама! Не надо!»

Но Вася только повел плечищами.

– Бессовестно врут! – ответил он. – Кому нужен алкоголь и все прочее, тому незачем куда-то ехать. Пошел в магазин, купил бутылку и выпил дома, на кухне. И даже в подворотне. А у нас просто люди отдыхают и веселятся. Ну, без пива не бывает, конечно. Да разве ж это главное? Поехали!

Тут мама повернулась к Васе и спросила:

– Вася! Зачем мы вам нужны? Я ведь, и вправду, больна. А мальчишка... Привяжется он к вам, а потом? Представляете, что будет потом? По живому отдирать... больно. Может, лучше не начинать?

Вася склонил голову. Посмотрел на маму внимательно и спокойно.

– Если бы я всегда думал, что будет потом, я бы давно уже лежал в кювете, – ответил он.

– Но, согласитесь, нельзя же совершенно об этом не думать! – возразила мама.

– Не знаю... – Вася подмигнул Андрейке. – На свете столько всего... Короче... Поехали!

– Маме завтра в больницу ложиться. – Андрейка понимал, что маме трудно самой сказать об этом. – Вот, видишь, она вещи уже сложила.

– А перенести больницу нельзя? – поинтересовался Вася. Да... Вася, конечно, мог бы перенести и больницу. Например, с одной улицы на другую. Перетащил бы...

– Нет, – покачала головой мама. – Это лечение... оно тяжелое, но продлевает жизнь. Ведь у меня сын... Еще такой маленький.

– Я большой!

– Все в мире относительно, – улыбнулась мама.

Андрейка понял, что мама совсем не сердится. Более того, он почувствовал, что она с удовольствием общается с Васей-Ангелом!

– А с кем останется малой? – поинтересовался Вася. – Ну, когда вы поедете в больницу?

– Обычно за ним присматривает соседка, тетя Вера.

– Соседка? Ну, так отпускайте малого со мной. Пусть хоть он подышит воздухом.

У Андрейки аж дыхание сбилось. Несмотря на то что Ангел называл его «малым». Видимо, Васе еще трудно было называть его по имени...

«Или он забыл, как меня зовут?» – подумал Андрейка и стал просить маму:

– Мама,пусти! Пожалуйста...

– Да как же...

Мама застыла в нерешительности. Отдать ребенка какому-то незнакомцу, какому-то огромному байкеру, свалившемуся неизвестно откуда? Семилетнего ребенка – на байкерский рок-фестиваль? И вообще...

– Нет! – покачала головой мама. – А если что случится?

– Мама! Со мной ничего не случится! – Андрейка чуть не плакал. – Мамочка! Пожалуйста,пусти меня с Ангелом!

– Да я же вижу этого человека в первый раз!

– Ну и что! А я – второй! – Андрейка примостился на полу, рядом с креслом, на котором сидела мама, и обнял ее ноги.

– Мы с Андреем – кореша! – веско подтвердил Ангел.

Наконец-то он назвал Андрейку по имени! Значит, не забыл!

Мама молчала. Она только гладила Андрейку по голове. Интересно, о чем она думала? Конечно, она боялась. А чья мама не боялась бы?

Но, может быть, мама подумала о том, что нельзя же все время бояться! Что она, если сказать честно, всю свою жизнь чего-то боялась, и вот добоялась до того, что с ней произошло то, чего она страшилась больше всего, – она заболела. Заболела так тяжело, что неизвестно, останется ли жива и сможет ли вырастить сына... Пусть не до института, а хотя бы до пятого класса...

Мама еще немного подумала... и вдруг улыбнулась.

– Ладно, пусть едет, – сказала она. – Почему бы не по-

ехать! А я поеду с вами в следующий раз!

– Ура! – закричал Андрейка. – Ура! Мамочка! Спасибо!

Андрейка поскакал по комнате и скакал до тех пор, пока руки Васи-Ангела не подхватили его, не подняли и не поставили по стойке «смирно».

– Так, малой! Собирайся! Завтра я заеду за тобой часов в десять утра. И телефон ваш, Света, запишу и свой оставлю. Не переживайте. Все будет о'кей! Я с него глаз не спущу!

Мама так и осталась сидеть в кресле. Васю проводил Андрейка и закрыл за ним дверь. Когда он вернулся в комнату, голова мамы лежала на спинке кресла. Бледность ее усилилась, на лбу выступила испарина. По щеке стекала одинокая слезинка. Мама быстро-быстро смахнула ее и улыбнулась Андрейке:

– Ну, теперь давай тебя в поход собирать!

Глава 8

Андрейка проснулся рано. Он так боялся проспать! Проснувшись, увидел маму, стоящую перед иконой.

Икона, небольшая, бумажная, изображающая Богородицу с Младенцем, стояла на подоконнике за шторой. Мама старалась молиться, когда Андрейка спит. Может быть, она молилась и в то время, когда он был в садике. Чаще всего Андрейка не видел этого, но он это знал.

Андрейка проснулся, но лежал тихо-тихо до тех пор, пока мама не перекрестилась и не отошла от окна.

– Ты уже не спишь? – подошла к сыну мама. – Полежи еще полчаса, время есть. – Она присела к Андрейке на кровать. – Ты смотри там, веди себя хорошо. Дядю Васю слушайся, не бегай куда не надо.

– Хорошо, мамочка!

– Тетя Вера вчера меня сумасшедшей назвала, – улыбнулась мама. – А я, ты знаешь, как-то сразу поверила этому бородатому...

– Мамочка! – Андрейка вскочил и обнял ее. – Ты моя самая-самая... самая родненькая!

Трудно расставаться с мамой! Ох как трудно! Но, честно говоря, несмотря на расставание, внутри у Андрейки все пело: «Байк-рок-фестиваль, байк-рок-фестиваль!...»

Ровно в десять утра под окнами раздался рев мотора. Вася-Ангел прибыл точно в назначенное время. Мама с Андрейкой вышли во двор. Андрейка все оглядывался: неужели никто из ребят не увидит, как он залезает на сиденье мотоцикла?

Во дворе никто не гулял, но в окошке, на втором этаже, Андрейка заметил заспанное лицо Сани.

«Ура! – подумал Андрейка. – Хоть кто-то увидел, что я не вру!»

Андрейка помахал Сане рукой. Потом он обнял маму.

– Вы не волнуйтесь, – успокаивал маму Ангел. – Он все время со мной ехать не будет. Я его к другу на трайк пересажу, когда двинемся.

Увидев, что мама не поняла, Вася пояснил:

– На трехколесный мотоцикл пересажу. Там у товарища кресло приварено. И кепка детская есть... ну, шлем. Он для сына делал...

– А где же сын? – спросила мама.

– Да... разбежались они с женой.

– Чего ж так?

– Да... затюкала человека. Напрочь. «Дурью, – говорит, – вы маетесь. В игрушки всё играете. И пива, – говорит, – много пьете». Она теперь сына к байку на пушечный выстрел не подпускает. И вообще, байкеру жениться...

– Да, конечно, – поддержала Ангела мама. – Трудно найти

женщину, чтоб захотела жить на колесах. И пиво... в общем, небезобидное развлечение. А вы, Вася, женаты?

– Странный вопрос. Пробовал один раз. Убежал через год.

– А дети?

– Не завелись.

– Но у вас же там есть девушки? Как их называют? Байкерши? Подруги?

– Чёлок хватает. Пока замуж им не приспичит. Или еще что-нибудь... Дурацкий разговор.

– Извините.

– Да ничего.

– Вася, а почему вас все-таки называют Ангелом? – спросила мама. – Правда, мне Андрейка рассказал одну историю...

– Ха! – повел плечами Вася. Глаза его смеялись. – Ну, еще было одно дело...

– Расскажите! – попросила мама.

– Вася, расскажи!

– Ну вот. Когда я был еще совсем зеленым чайником и покупал свою первую косуху...

– Чего? – не понял Андрейка.

– Темный ты, брат! Косуха – значит куртка кожаная, вот такая. – И Вася показал на свою куртку, в которую он был одет, несмотря на то что на улице стояло лето. – Так вот... Покупаю я, значит, себе косуху. Надеваю – и охнуть не успел, как взлетел. Прошибаю башкой крышу магазина и всё вверх,

вверх лечу! Если бы дерево на пути не попало, не знаю, куда бы усвистел. Схватился за ветку и повис. Ну... ногами болтаю... «Висит груша – нельзя скушать».

Рассказывая, Вася-Ангел махал руками и очень ясно показывал, как он прошибал башкой потолок, а потом – и крышу магазина. И как висел на ветке, болтая ногами.

– Так не бывает! – не поверил Андрейка.

А мама смотрела на Васю во все глаза.

– Не веришь – не надо, – невозмутимо продолжал Вася. – Но, оказывается, мне попала косуха с крыльями.

– Таких не бывает!

– Бывают. Одна на десять миллионов косух бывает с крыльями.

– И эта косуха попала тебе?

– И эта косуха попала мне!

– Ну, Вася, ты даешь!

Андрейка и не заметил, что стал называть Васю-Ангела на «ты». И Вася этого не заметил.

– Вася, а как ты с дерева слез? – спросил Андрейка. Хоть и не верил он Васиному рассказу, но все же...

– Ну! Это проще простого! – повел плечами Вася. – Дело техники. Я потом вообще... научился этой косухой управлять и куда только не летал!

– А где сейчас твоя косуха? На тебе она надета?

– Ну ты что! Мне тогда шестнадцать лет только исполнилось! Я был таким худым, как ты! А сейчас я в два раза боль-

ше!

Ангел прищурил глаз, глянул на Андрейку и поправился, словно сравнивая:

– Нет, в три. Или в четыре. – И вздохнул: – Точнее, в пять.

– А косуха где? – не унимался Андрейка.

– Где-где! Дома, в сундуке лежит!

– А как...

Задать следующий вопрос Андрейке не позволила мама:

– Сынок, что ты пристал к человеку!

– Да! – подмигнул маме Ангел. – А то тебе еще расскажи, где ключи от квартиры, где деньги лежат!

– Нет, про ключи мне не надо, – смутился Андрейка.

– Ладно, – сказал Вася, усаживаясь на «Харлей». – Залезай на сидушку. Держись крепче.

Он подхватил Андрейку и усадил его перед собой, а потом помахал Андрейкиной маме:

– Ну, хой! Не скучайте и выздоравливайте, а мы будем вам звонить.

– Мамочка, выздоравливай! Я буду звонить!

Мотор взревел. Вася сделал круг около мамы, еще раз махнул ей рукой на прощание, и...

Глава 9

И ветер в лицо...

Сладко замерло сердце Андрейки – от ветра, от скорости, от Васиной кожаной куртки, от самого Васи-Ангела, так неожиданно вошедшего, вернее, влетевшего в его, Андрейкину, жизнь... Вообще – от всего происходящего.

«Байк-рок-фестиваль, байк-рок-фестиваль...» – пело внутри Андрейки.

Недолго поколесив по улицам, Вася с Андрейкой прибыли к месту сбора байкеров. Мальчик наконец смог оглядеться. Ух, сколько тут было мотоциклов! Самых разных: больших, маленьких, с длинными рогатыми рулями, разрисованных, разноцветных. Гудели моторы, воняло бензином и выхлопными газами.

Так много здесь собралось байкеров! Все в кожаных куртках с разными нашивками, в банданах, в ботинках, похожих на Васины. Возраста самого разного: от молодых ребят до седовласых бородачей.

Многие, казалось бы, походили на Васю-Ангела. Но нет! На Васю никто не мог быть похож! Вася – единственный во вселенной обладатель такой прекрасной бороды! И вообще, здесь никто не мог затмить Васю-Ангела!

Вместе с парнями и мужчинами на мотоциклах сидели девушки, разодетые под стать парням. Все весело переговари-

валась и пересмеивалась, перекрикивая шум моторов.

– Хай! – Вася подвел Андрейку к симпатичному байкеру, чуть постарше, чем он сам, и чуть пониже ростом. – Степаныч, вот тот самый Андрей, про которого я тебе говорил.

– Ну, хай! – весело глянул на мальчишку Степаныч. – Покажись-ка... – Он вдруг покрутил Андрейку в разные стороны. – Сколько лет-то тебе?

– Семь. С половиной.

– Ну, гигант! Сейчас-сейчас... – Откуда-то из недр своего трехколесного агрегата с огромным рулем Степаныч извлек детский шлем ярко-красного цвета. И... Ну не коуху, а детскую кожаную безрукавку. – Надевай!

Безрукавка и шлем оказались Андрейке чуть великоваты. Но Степаныч и Вася, после того как критически оглядели Андрейку, признали, что все в порядке.

Ну а Андрейка даже слова не мог произнести.

– Залезай в кресло, – показал Степаныч на трайк. – Пристегивайся ремнем. Не можешь?

Андрейка, конечно, растерялся. Еще ни разу в жизни он никуда ремнем не пристегивался.

– Учи вас, учи, – притворно заворчал Степаныч. – Всё! Сиди отдыхай!

Вася и Степаныч встали в сторонку и начали о чем-то разговаривать. Потом Степаныч отошел ненадолго и вернулся с девицей плотного телосложения, в шортах. Девица повисла на Степаныче.

Тут Андрейка на минутку отвлекся на проезжающий мимо красный мотоцикл, на котором была нарисована тигриная голова, а когда снова поискал глазами Васю, увидел, что теперь уже разговаривают четверо. Рядом с первой девицей появилась еще одна. С волосами, выкрашенными в абсолютно черный цвет. С губами, выкрашенными в цвет абсолютно красный.

И вдруг... Первая девица пристроилась за Степанычем, а вторая... Да. Удивительно! Но вторая девица уселась на сиденье за Васей.

Тут, видимо, прозвучала команда, и вереница байков всех сортов и мастей двинулась по городской улице. Вася махнул Андрейке рукой и проехал вперед. Не в общем байкерском строю, а чуть сбоку, как бы наблюдая за порядком.

Через минуту Андрейка забыл про противную девицу, которая взгромоздилась на Васин «харлей». Потому что он во все глаза глядел по сторонам.

По улице проезжала колонна мотоциклов. А на тротуарах стояли люди и смотрели на байкеров. Некоторые добродушно махали руками, а некоторые кричали что-то плохое, и рты их кривились. Они даже грозили вслед колонне кулаками.

Видно было, что по улице едет сила.

Видно было, что по улице едет братство, где никто никого не даст в обиду.

Вот люди и реагировали на это, каждый по-своему. Потому что, согласитесь, большое счастье – быть членом како-

го-нибудь братства.

Некоторые люди, так и не сумев за всю свою жизнь завести себе хоть какое-нибудь, хоть самое маленькое братство, стояли по сторонам дороги и завидовали этим парням и этим девчонкам, одетым в косухи, банданы и высокие ботинки с заклепками. Завидовали. Даже когда осуждали. Ведь только тот, кто может не завидовать, только тот умеет не осуждать. И наоборот.

Конечно, на самом деле в жизни байкеров все складывалось не так идеально, как казалось Андрейке. Люди – они везде люди, на какой транспорт их ни посади и в какую одежду их не наряди.

И все же... Байкеры ехали по улице, и Андрейка впервые ощутил себя не просто каким-то маленьким мальчиком, а частью чего-то большого и сильного. Пусть не очень понятного и даже иногда настораживающего. Но сильного. И большого.

От одного этого сердце могло запеть, согласитесь...

Глава 10

Байкеры ехали довольно долго. Выехали за город и все продолжали ехать, ехать... Андрейка глядел на деревья, поля, домики и не заметил, как задремал. Вот где пригодилось детское кресло и ремень, которым его пристегнули!

Но всякая дорога заканчивается рано или поздно. Андрейка проснулся от того, что стих шум моторов и прекратилась тряска. Снял шлем, который давил ему на плечи.

Мотоциклы Ангела, Степаныча и еще нескольких байкеров стояли на полянке, окруженной редким лесочком.

– Ну, как доехал? – спросил Андрейку Степаныч и, вытащив его из кресла трайка, поставил на твердую землю.

– Хорошо, – ответил Андрейка.

Но Степаныч его уже не слышал. Он вместе с Ангелом сутился около палаток. У Степаныча – своя палатка, у Ангела – своя. Но поставили их рядом. Тут же поставили еще чьи-то палатки, и все сутились, устраивались, переговаривались и пересмеивались.

После того как Ангел позвонил Андрейкиной маме, он отпустил Андрейку погулять:

– Ты можешь пойти вон туда, в лесок. Только далеко не ходи. Все время поглядывай, чтобы нас видеть. Как мы готовы будем, я тебя позову. Да, безрукавку эту можешь снять!

Вася погладил Андрейку по голове.

Кожаная безрукавка была явно велика Андрейке. Но он не замечал этого и не хотел снимать ее, потому что безрукавка делала его причастным к байкерскому братству!

– Потом! – Андрейка оторвался от Васиной руки и вприпрыжку побежал в сторону лесочка.

Когда он отбежал достаточно далеко, к Васе подошла девушка, черноволосая и краснотубая.

– Это что, твой родственник? – спросила она с недовольным видом. – Тебе что, его всучили? Втюрили? Ну, навяза-

ли?

– Не-а, – задумчиво произнес Вася, глядя на черноволосую.

– Это что – твой? Сын, что ли?

– Не-а...

– Тогда кто он, этот задохлик? Зачем он тебе? Ты что, решил заняться благотворительностью?

– Не-а. – Вася обнял черноволосую за талию своей ручищей и прижал к себе. – Ты, Юла, не задавай глупых вопросов.

Девушка, по имени-прозвищу Юла, недовольно сняла со своей талии Васину ручищу.

– А ночью он где спать будет? – спросила Юла. – Со мной или с тобой? Или посреднике?

– Придумаем что-нибудь! – усмехнулся Вася. – Нет проблем. Лес большой.

– Ну, смотри! – немного подобрела Юла. – Ты думай. А то... В лесу медведи!

– Да что мне медведи! – пожал плечами Вася. – Вот однажды, когда я был молодым...

Тут Васю позвал Степаныч – надо было перекатить поближе к палаткам толстый ствол срубленного дерева, чтоб народу удобно было посидеть возле пылающего костра.

– Ладно, потом доскажешь! – крикнула вслед Васе Юла.

Может быть, она была неплохой девушкой, эта Юла. Правда, не имелось у нее постоянного друга среди байкеров. Вася тоже, как оказалось, давно уже ездил без подружки.

Привела Юлу подруга Степаныча, Линда. Она пригласила ее для того, чтобы всем было веселее и никто не скучал. Может быть, думала Линда, Вася-Ангел и Юла понравятся друг другу.

А что касается черных волос и ярко накрашенных губ, то... всем же хочется выглядеть красиво. Только не все знают как.

Вернее, у всех – разные понятия о красоте. Как, впрочем, и о многом другом.

Глава 11

Оказался Андрейка один... в лесу...

Ну не совсем, конечно, в лесу. Так – в лесочке. И не совсем, конечно, один, потому что слышались вокруг голоса байкеров, обрывки музыки и другие звуки. А если обернуться назад, то можно увидеть мелькающие человеческие фигуры, палатки, мотоциклы...

И все же! Андрейка оказался один в лесу. Сначала он просто шел куда глаза глядят. Потом сел на поваленное дерево. Но сидеть оказалось неудобно. Тогда он прошел чуть-чуть вперед и, найдя небольшую полянку, поросшую травой, просто лег на землю. Кожаная безрукавка защитила его от сырости.

Над головой Андрейки простиралось бездонное голубое небо. По небу плыли легкие полупрозрачные белые облака. Облака словно бы закручивались в небе, и в какое-то мгновение ему показалось, что они движутся по небу хороводом, взявшись за свои облачные руки.

С краев хоровод облаков обрамляли тонкие верхушки деревьев. Они образовывали как бы второй хороводный круг. Хороводы двигались то в одну сторону, то в другую. В зависимости от ветра.

Андрейка смотрел на небесные хороводы, и внутри него зазвучала музыка, ведь облака и верхушки деревьев не могли

танцевать просто так, в тишине. Никому не была слышна эта музыка. Только ему.

Так он и валялся на траве до тех пор, пока в тишину, наполненную музыкой, не прорвались голоса, зовущие его к обеду.

На маленькой поляне уже расстелили клеенку, а на ней разложили всякую вкусную еду. Только тут Андрейка понял, как ему хочется есть. Пристроившись рядом с Ангелом, он сразу же принялся очищать скорлупу с вареного яйца.

Андрейка колупал эту скорлупу, а она все не отколупывалась и не отколупывалась. От того, что ничего не получалось да еще от обилия незнакомых людей, он чуть не заплакал, но тут Вася взял у него из рук злополучное яйцо и очистил его, а еще придвинул к Андрейке приличную горку всякой всячины: колбасы, сыру, помидоров, огурцов.

– Давай наворачивай, – подмигнул Вася.

И сразу же на сердце у Андрейки стало тепло и хорошо. Он начал «наворачивать» и даже вслушиваться в разговоры, летающие над «столом».

Присутствовало здесь человек двенадцать мужчин и женщин. Все знали друг друга, все разговаривали и смеялись.

– Слышь, Ангел, а ты так и не рассказал, что у тебя в лесу с медведем произошло! – кокетливо обратилась к Ангелу Юла. – А то ты своего малого кормишь, как нянька, а про общество совсем и забыл!

– Ну не болтай! – остановил Юлу Вася. – Ни про кого я

не забыл. Я и про медведя не забыл. Хороший попался мне медведь, воспитанный. Душевный, можно сказать, медведь.

– Ха-ха! – засмеялся народ. – Вася его – одной левой!

– А Вася его – в морду!

– Не, Вася с ним в берлогу пошел!

– Не, Вася с ним стал соревноваться, кто больше пива выпьет!

– Пустые разговоры вы ведете. – Вася-Ангел отмахнулся от наседающих на них шутников, как от назойливых мух. – Не успели мы с мишкой по пиву посоревноваться. До сих пор жалею.

– А почему?

– Дело было так. Еду я, значит, лесом...

– У нашего Ангела всегда «семь верст до небес, и все лесом!!!» Ха-ха-ха!

Вася одарил последнего говорящего укоризненным взглядом и продолжил:

– Еду я, значит, лесом. Накануне у нас дождь прошел – ливень настоящий. Качу я, значит, сразу после дождя. Дорогу развезло. Тут – яма. Байк на полколеса в колею зарылся. И встал. Я туда, я сюда – не могу сдвинуться, хоть тресни! Тут, смотрю, из кустов он выходит.

– Кто?

– Мишка. Потапыч. Огромный! – И Вася показал, как мишка выходит из леса.

Несмотря на то что Вася не встал на ноги, все сразу поня-

ли, что с этим мишкой не следовало шутить. Никому, кроме Ангела.

– Что, мишка больше тебя оказался? Не поверю ни за что!

– Что, выше?

– Не, не может быть, чтоб выше!

– Выше, – кивнул Вася. – На голову.

– На чью?

– Отстань! Вышел мишка и давай рычать. Р-р-ры! Р-р-ры! – Вася и сам рыкнул, как настоящий медведь. Андрейка даже вздрогнул.

– А ты?

– Я смотрю на него и говорю: «Потапыч, не стоит меня пугать. Пуганый я. Посмотри лучше: байк у меня в грязи по самый бак. Встал колом – и ни с места. Толкнул бы плечиком, а?» Посмотрел на меня мишка внимательно, потоптался и говорит: «Ладно, давай попробую».

И так убедительно Ангел рассказывал, что сидящие за столом аж стонали от хохота.

– Вася! Уморил!

– А дальше что?

– Толковый мишка попался! «Куда, – говорит, – толкать?»

Ну, встали мы с мишкой около байка. Только я ему говорю: «Толкай потихоньку! Когти-то свои подбери, а то сидушку поцарапаешь да макароны⁴ пообрываешь!» А он: «За собой смотри! Чо, с похмелья в яму-то влетел?» Я тут не стал врать.

⁴ Макароны – кожаная бахрама на сиденье мотоцикла (*байкерский сленг*).

«Прости, – говорю, – Потапыч! Ты, что ли, никогда в ямы с утра не попадал?» Мишка глянул на меня и рыкнул: «Ну разве что после медовухи...»

Этот диалог сопровождался помимо основных еще и всякими вставными словечками. Народ от хохота лежал возле «стола» и дрыгал ногами.

– Короче, вытолкали мы байк, – закончил Вася с таким выражением лица, будто и вправду только что вытащил мотоцикл из грязи. – Ну, я и говорю мишке: «Спасибо Потапыч, выручил!»

– А он?

– Ну, он глянул на меня и отвечает: «Ботинки у тебя классные! Да жаль – не мой размерчик! А то бы я их у тебя, того, позаимствовал».

– С ногами бы поотрывал! – вставил кто-то.

– Не судите мишку по себе, – не согласился Ангел. – Все было мирно. Ну, я мишке и предложил: «Так нет проблем! Хочешь такие ботинки – так скажи, какой у тебя размер, и я тебе приволоку!»

– Продвинутый мишка оказался!

– Ну, и какой у него размер?

– «Сорок седьмой», – сказал.

– Ну и что? Привез ты ему ботинки?

– Ангел от своих слов не отказывается!

– Приве-ез, – задумчиво протянул Ангел. – На заказ делал сорок седьмой размер. Кучу бабла пришлось отвалить.

– И что?

– Приехал в лес, ходил, ходил, искал, искал... Звал мишку, да тот не вышел. Видно, за границу умотал... В Финляндию или Норвегию подался. Дело-то было под Питером. Тут да, к финнам поближе.

– Куда тебя занесло!

– Носило... – согласился Вася. – Бывали дела.

– Да мишка твой в спячку небось залег.

– Не, не в спячку. Я тоже так сначала подумал, что в спячку. Я ведь два раза приезжал. Еще разок – летом. Не было мишки...

История, начавшаяся так весело, почему-то стала грустной в конце. Так, немножко грустной. Чуть-чуть...

Все еще немного посмеялись и стали рассказывать другие истории, но Андрейка уже никого не слышал. Думал о Потапыче. Куда же он делся? Ах, как не хотелось, чтобы мишка пропал по какой-то плохой причине! Лучше уж в Финляндию... или в Норвегию...

Глава 12

На вечер планировалось праздничное открытие фестиваля и выступление двух рок-групп. На завтра, послезавтра и на последний день – тоже выступления музыкантов и разные байкерские конкурсы.

Как только солнце стало клониться к закату и падать с неба вниз, все начали стягиваться к сцене, установленной на большой поляне.

Народу собралось немало. Чтобы не потеряться в толпе, Андрейка крепко держался за Васю-Ангела. Его ладошка просто тонула в огромной Васиной ручище.

Когда музыканты ударили по струнам и над поляной прозвучали первые аккорды, Ангел наклонился к Андрейке и спросил:

– Что, брат, не видно ничего?

Андрейка кивнул. Он, и вправду, ничего не видел, кроме чужих ног, обтянутых кожей, увешанных ремнями и всякими другими штуками. Он бы мог, конечно, оторваться от Васи и протиснуться к самой сцене, чтобы как следует рассмотреть музыкантов. Но ему было страшновато отпускать Васиную ладонь, такую теплую и надежную.

А Вася...

Неожиданно что-то сильное подхватило Андрейку под мышки, вознесло почти в самые небеса. Он вдруг оказался

сидящим на плечах у Васи. Аж дух захватило...

– Ну, как тебе там? – спросил Вася.

– Здорово!

Тут Андрейка поймал на себе недовольный взгляд Юлы. Осмотревшись вокруг, он понял, почему Юла так недовольна.

На плечах некоторых байкеров сидели девушки. «Наверно, Юла мечтала, что Вася будет держать ее, а Вася взял меня...» – подумал Андрейка и хотел было даже сказать Васе, чтобы тот опустил его на землю.

Но тут раздался гром – это музыканты заиграли новую песню. Ох, как все вокруг загремело! Так сильно, что Андрейка даже прикрыл уши руками. Стало чуть тише...

Нельзя было разобрать, о чем поют музыканты. Не слышно было слов, только крики. Выкрики. Толпа слушающих людей эти крики подхватывала и тоже кричала. Так, с закрытыми ушами, Андрейка еле-еле дождался конца песни.

– Ну как? – спросил Андрейку Вася.

От Васи, наверно, не укрылось, что маленький мальчик вздрагивал у него на плечах.

– Громко! – крикнул Андрейка.

– Ничего?

– Ага!

И снова загрохотало. Правда, на этот раз – чуть тише. На сцене прыгал певец, тряся головой. Выгибался гитарист, колотил по барабанам ударник. На этот раз Андрейка разобрал

в общем шуме некоторые слова: «я один», «лечу», «черное небо», «не держите меня».

«Наверно, ему очень плохо, – думал Андрейка. – Очень плохо этому человеку, который поет. Вот он и кричит как резанный потому, что один и нет ему другого пути, кроме черного неба! Но зачем же так орать?»

Закончилась вторая песня, затем третья и еще несколько. Стемнело, и люди стали махать в воздухе зажженными зажигалками. Это было красиво, но все равно очень уж все вокруг гремело...

– Вася, опусти меня вниз! – попросил Андрейка в промежутке между песнями, когда появилась возможность перекинуться парой слов.

– Что, неудобно? – спросил Ангел.

– Нет, удобно. Только громко очень. Я хочу туда... в палатку...

– А дорогу найдешь?

– Найду.

Хоть Андрейка и побаивался немного, но больше слушать этот гром просто не мог. Вася, кажется, понял его. Снял Андрейку с плеч, опустил на землю и вывел из толпы, а сам вернулся обратно, сопровождаемый Юлой.

Глава 13

Имелась еще одна причина, по которой Андрейке очень хотелось оказаться возле палатки. Гитара! Гитара в черном чехле прибыла на том же трехколесном мотоцикле, на котором приехал и сам Андрейка.

На гитаре немного играл Степаныч. Именно для него Ангел покупал струны в музыкальном магазине. Самое главное – Степаныч уже разрешил Андрейке «посмотреть» инструмент. Разрешил, когда еще байкеры только ставили палатки.

– Конечно, посмотришь! – ответил тогда Степаныч на вопрос Андрейки. – Вот приедем, расположимся, и смотри себе сколько хочешь!

Андрейка легко нашел палатку Степаныча, стоявшую рядом с палаткой Ангела. Залез, вытащил гитару и с трудом освободил ее от чехла. Струны жалобно затрепетали.

Андрейка положил гитару на чехол. Удержать ее в руках он не мог: гитара была слишком велика для него. Да он и не знал, как за нее взяться...

До того места, где стояли палатки, долетала музыка с концерта. Но она долетала как-то странно. Музыка, как один огромный барабан, отсчитывала ритм. Словно в ночи билось чье-то огромное сердце. Не очень здоровое, между прочим, сердце. Потому что ритм все время сбивался, а то и вовсе останавливался. Тогда вот и слышались крики людей и ап-

лодисменты, звучащие как эхо.

Полянка, где стояли палатки, освещалась только луной. Андрейка сначала встал на колени перед гитарой и медленно провел рукой по ее теплому деревянному боку. Провел, как будто по кому-то живому.

– Здравствуй, – сказал гитаре Андрейка.

У-у-м-м, – отозвалась гитара.

– А можно я поиграю?

Д-д-д-ан... – ответила гитара.

Андрейке показалось, что гитара снисходительно улыбнулась: мол, знаю я, как ты умеешь играть... Не умеешь ведь...

– Я научусь, – пообещал гитаре Андрейка и дернул самую тоненькую струну.

Он дергал струны по одной, по две и по три. По очереди и все вместе. Дергал, дергал... Слушал, слушал... Потом попробовал прижать самую тоненькую струну пальцем и дернуть. Послушал. Прижал струну в другом месте, послушал и начал прижимать по всему грифу, от начала и до конца. Дергал прижатую струну один раз, два раза, три. Прижимал другие струны.

Как только не дергал он эти струны и где только не прижимал! Он не слышал ничего вокруг! К действительности его вернули колени. От стояния на земле ноги затекли и колени заболели. Андрейка очнулся.

Он сел на землю рядом с гитарой. По его икрам побежали иголки: затекшие ноги отходили. Пришлось их растирать.

Но после этого... Андрейка уселся поудобнее и, подвинув к себе гитару, попытался взять ее так, как держат музыканты. И снова прижимал неподдающиеся струны, дергал их, проводил по ним пальцами...

Вот она где, музыка... Вот где она скрывается, самая прекрасная музыка на свете! В этих разрозненных звуках, получающихся из каждого щипка струны!

Дело только за малым – расположить все удары по струнам так, чтобы они сложились в мелодию. Чтобы они превратились не в хаос и шум, от которого болит голова, а стали той самой музыкой, что звучит в этой самой голове. Светлой и чистой музыкой, что берется неизвестно откуда и уходит неизвестно куда...

Андрейка на мгновение опустил руки. Пальцы от напряжения сводило, и он помахал в воздухе рукой. Сейчас... сейчас...

Он сосредоточился на последней, самой тоненькой, струне и попытался составить простейшую мелодию, зажимая струну в разных местах.

– Та-та-та... Та-та-та-та... – подпевал себе Андрейка.

За этим занятием его и застала вернувшаяся с концерта компания.

Глава 14

– Вот он где! – Ангел отложил гитару и, подхватив Андрейку, высоко поднял его.

Никто и никогда не поднимал его так высоко, как Ангел. Взлетел Андрейка выше леса, но тут же опустился вниз.

– Музыкантище! Чего с концерта сбежал? – спросил Вася, поставив Андрейку на землю.

Ответить мальчик не успел: Ангел уже отдавал распоряжения по разжиганию костерка из заранее заготовленных веток и дров.

Народ шумел, включал фонарики, смеялся, переговаривался. Доставал пиво и вино, рассаживался у костерка.

Наконец-то у загудевшего пламени собрались все кто хотел. Некоторые, правда, не подошли к костру, а отправились сразу по своим палаткам.

Степаныч взял в руки гитару и стал наигрывать какую-то немудреную мелодию. Андрейка, примостившись рядом с Ангелом, во все глаза наблюдал за руками Степаныча, пытаясь запомнить, как Степаныч ставит пальцы левой руки и как проводит по струнам правой рукой. Чтобы лучше запомнить, Андрейка шевелил пальцами, сам того не замечая.

С другой стороны от Ангела сидела Юла. Ангел обнимал Юлу и прижимал к себе. Бутылка вина перемещалась по кругу, и каждый кто хотел отпивал глоток из горлышка.

Руки Степаныча мелькали в мерцающем свете костра. Сосредоточившись на их движениях, Андрейка не очень-то вслушивался в слова тех песен, что пел байкер. Степаныч пел, а сидящие возле костра тихонько подпевали.

И вдруг...

– Давай, Степаныч, «Ангела» спой! – стали просить сидящие.

– Только это – не про меня! – стал отнекиваться Вася-Ангел.

– Ну ладно! – согласился Степаныч. – Это и про тебя и не про тебя. Это про нас.

Степаныч ударил по струнам. Волей-неволей Андрейка прислушался, потому что песня была про Ангела.

Этот парень был из тех,
Кто просто любит жизнь,
Любит праздники и громкий смех,
Пыль дорог и ветра свист...
Он был везде и всегда своим,
Влюблял в себя целый свет
И гнал свой байк, а не лимузин.
Таких друзей больше нет!

Ты, летящий вдаль, вдаль Ангел,
Ты, летящий вдаль, вдаль Ангел...
Но он стал союзником рая в ту ночь
Против тебя одного...
Ты – летящий вдаль Беспечный Ангел!⁵

Конечно, Андрейка не запомнил сразу всех слов песни. Но припев словно впечатался в него, и он сам не заметил, как запел вместе со всеми, на время позабыв даже о руках Степаныча:

Ты, летящий вдаль, вдаль Ангел,
Ты, летящий вдаль, вдаль Ангел...

К маленькому костерку, где сидели Степаныч, Вася и их ближайшие приятели, стали подходить люди, чьи палатки стояли на соседних полянках. Они подходили и подпевали.

⁵ Песня «Беспечный Ангел» группы «Ария» на стихи М. Пушкиной.

Это было так... так здорово!

Но песня закончилась. Казалось, эхо еще разносится по ночному лесу.

Андрейка не успел опомниться. Он даже не успел перевести дух, как Степаныч снова заиграл. В новой песне зазвучали другие слова, но все о том же: о разбитом «харлее», дымящемся на земле, и о парне, который не доехал десяти минут до рассвета...

Все, собравшиеся у костра, пели слаженным хором. Пели о том, что знают, пели о том, чем живут. Пели не в первый раз.

А потом Степаныч заиграл что-то веселое, и все подпевали снова, улыбаясь, поглядывая друг на друга и друг друга подталкивая.

Глава 15

Когда Степаныч отложил гитару, все начали постепенно расходиться от костра, желая друг другу удачи в завтрашних конкурсах. Андрейку же Ангел отправил в палатку:

– Давай, малой! Нечего тебе с нами засиживаться. Спи! Завтра будет большой день!

Андрейка не сопротивлялся. Он был так ошарашен всем увиденным и услышанным, что даже рад был залезть в палатку, укрыться одеялом, и... Короче, остаться в одиночестве. Именно так.

Потому что в ушах Андрейки еще звучала песня. Та самая, про Ангела. Про другого Ангела, не про Васю. Потому что...

Ох, как Андрейке жалко было того парня, который мчался по шоссе и погиб!

Как жалко! Невозможно!

В ушах звучала песня про погибшего мотоциклиста, в глазах стояла картина разбитого мотоцикла. Воображение рисовало на месте погибшего парня реального Васю-Ангела, и от этого было еще жальче, еще мучительнее...

Что это за странная, что это за ужасная вещь – смерть?

Андрейка ворочался на надувном полу палатки. Натягивание одеяла на голову не помогало избавиться от мыслей. Он невольно стал думать о маме. Почему тетя Вера говори-

ла, что мама скоро умрет?

Андрейка вспомнил про маму и тут уже не смог больше сдерживаться. Захлопал носом. Ему было жалко того парня, жалко Степаныча, жалко Васю, жалко маму и немножко – совсем немножко! – жалко самого себя.

Тут полог распахнулся, и в палатку протиснулся Вася.

– Куртку для Юлы возьму, – прошептал он. – Не спишь?

Андрейка хотел ответить, но вместо ответа только всхлипнул.

– Ты чего это? Плачешь, что ли?

– Не... – попытался было сказать Андрейка, но не смог. – Мне парня того... парня того жалко, который разбился... там, в песне...

Андрейка всхлипывал, а Вася развернулся и присел рядом с ним.

– Да, брат, – сказал он. – Всякое бывает. Конечно, разбиваются байкеры.

– А зачем? Зачем тогда ездить? Чтоб разбиваться? – забросал Васю вопросами Андрейка.

– Нет, брат. Ездить затем, чтоб ездить, – погладил его по голове Вася.

– Но ведь если быстро ездить, можно разбиться! – возразил мальчик.

– Да. Но тут есть одна штука... Понимаешь, когда ты летишь на скорости... и когда знаешь, что, может быть, это твой последний полет...

– Зачем? Зачем последний, Вася? – Андрейка уже сидел на полу палатки. – Почему последний?

– Когда каждый твой полет может оказаться последним, в тебе не остается ничего лишнего. Потому и ездим...

– Почему? – не понял Андрейка.

– Потому, что все лишнее мешает полету. Когда ты летишь, ты не врешь.

– А разве ты вообще врешь, Вася?

– Ну и вопросы у тебя. Ладно, я расколюсь. Когда на мне ангельские крылья, я не вру. Но бывает, брат, что я хожу без крыльев... По шоссе – чаще с крыльями, понимаешь?

– Не... – замотал головой мальчик.

– Эх, малой! Что тебе сказать? Ну, когда ты летишь, ты уже не думаешь, что бы и где бы урвать. Даже не урвать – а просто достать... взять. Не думаешь, на чем бы нажиться и кого бы обмануть. Не думаешь, как делать карьеру, ступая по головам. И даже не ступая – вообще, надо ли ее делать. Как ангел. Ничего на тебе не висит. А? Понимаешь? Хоп или не хоп? Что ты вообще понимаешь, а, малой?

– Я не малой. Я все понимаю, – не согласился Андрейка. – Но разбиваться нельзя...

Вася и Андрейка немного помолчали. Немного, пока Андрейка не решился спросить о главном.

– Вася, а тетя Вера говорит, что моя мама скоро умрет.

– Ерунду говорит твоя тетя Вера!

– Нет, – покачал головой Андрейка. – У мамы такая бо-

лезнь... Она называется... Она называется...

Конечно, Андрейка знал, как называется мамина болезнь. Он просто избегал произносить это слово. Страшно противное, склизкое слово «рак».

Ему казалось, что, как только он это слово произнесет, этот страшный черный «рак» протянет из тьмы свои жуткие щупальца, схватит ими маму и унесет ее куда-то далеко...

– Онкологическое заболевание? – спросил Вася.

– Да, – кивнул мальчик.

Эти слова Андрейка тоже знал. Эти слова были холодными как лед. Равнодушными. Но их хоть можно было произнести.

– А сейчас мама в больнице. У нее химия. Это лечение такое. Уже много раз она в больницу ложилась.

– Ей лучше? – спросил Вася.

– Не знаю. Один раз мама сказала, что не лучше и не хуже.

– Наверно, это хорошо, – заключил Вася. – При такой болезни стабильность – это хорошо. Ты, малой, что б ни случилось, все равно не плачь! Будь мужиком! Мама поправится.

– Но как же... А если...

– Понимаешь, брат, все люди рождаются, и все люди умирают. Но есть один секрет, который помогает это дело пережить. Который вообще помогает человеку жить. И не только жить. И умирать помогает, как ни странно.

– Какой секрет? – спросил Андрейка.

– А вот этого, брат, я тебе сейчас не скажу. Потому, что

мал ты еще. И вообще, тебе спать пора.

– Вася... я же не маленький...

– Да, брат, все в мире относительно.

– Вась, какой секрет?

– Не канючь. Я тебе только одно скажу: это хороший секрет. Нормальный такой, мужицкий секрет. С ним умирать не страшно. Поэтому не реви.

– Но я же не знаю, какой это секрет! – воскликнул Андрейка.

Андрейка еще хлюпал носом, но слезы его давно уже высохли. Ему теперь просто хотелось, чтоб Вася никуда не уходил. Чтоб сидел с ним здесь, в этой тесной палатке, и рассказывал, рассказывал... все равно о чем.

– Как же мне жить, если я не знаю главного секрета? – еще раз спросил он.

– А ты просто верь мне. – Вася протянул руку и потрепал Андрейку за вихры. – Ты просто верь, что этот секрет есть. Ладно, пошел я, а то там Юла, наверно, совсем замерзла.

Вася взял куртку и выполз из палатки, закрыв за собой полог.

Конечно, Андрейка поверил! Кому он мог верить, если не Ангелу!

Глава 16

– Что ты там застрял? – услышал Андрейка недовольный голос Юлы. – И вообще, если ты хочешь на ночь остаться без меня, можешь сидеть со своим пацаном сколько тебе влезет. Он кто тебе, сын?

– Нет.

– Племянник?

– Нет, – качнул головой Вася.

– Так что ты с ним возишься?

– Ты, кажется, об этом уже спрашивала, – ответил Ангел. – Юла, не забивай свою красивую головку ненужной информацией!

– Это ты не забивай! На меня!

– Да ладно!

– А спать мы как будем? – не унималась Юла. – В серединку его положим, что ли?

Нетрудно догадаться, о ком шла речь!

Но, видимо, и Васе стали надоедать приставания Юлы.

– Куда надо, туда и положим, – ответил Вася уже без шуточных интонаций в голосе.

Юла сразу почувствовала, что Вася перестал шутить, и пошла в наступление:

– Что за ерунда такая! Зачем было тогда меня приглашать?

– А ведь я тебя не приглашал... – вздохнул Вася. – Вспомни, Юла. Тебе предложили, да и то не я. Линда тебя притащила. Ты сама пришла.

– Знала бы, что ты такой... чувак, не пришла бы. – Думаешь, у меня только ты один... на примете? – Что-то определенно раздражало Юлу в поведении Васи.

Но Ангел оставался спокойным.

– Этот пацан – мой гость, – сказал он. – Если тебе не нравятся мои гости, значит, тебе не нравлюсь я. Я никого не держу. Ты свободна как птица.

– Ну, ты завернул... Птиц-са... Ладно, пошли...

Голоса затихли. Андрейка натянул на себя одеяло, повернулся набок и закрыл глаза. Ему очень хотелось узнать, какой такой секрет помогает человеку пережить самое страшное, что может с ним случиться. С ним самим или с кем-нибудь. Но в голову ничего не приходило. Тогда Андрейка стал думать о маме. Как она там? Опять ей ставят страшные капельницы, дают таблетки... У нее опять выпадают волосы... Нет, нет, нет! Ничего страшного не произойдет! Нет, не может быть!

Андрейка не заметил, как заснул. Не слышал, как в палатку вернулись Вася-Ангел и Юла, как они крутились и смеялись, когда укладывались.

– Не шуми, – уговаривал Юлу Ангел. – Не шуми, ради бога. Пацана разбудишь!

– Ну и хрен с ним! – отвечала Юла. – Не велика цаца.

Откуда он свалился на твою голову?

– От верблюда. Жалко его. Душа живая... – вздохнул Вася.

– А я не живая? На меня посмотри!

Вася что-то бормотал в ответ. Наверно, смотрел на Юлу.

Но Андрейка этого не видел. Не чувствовал Андрейка, как Вася заботливо натягивал на его плечи сползающее одеяло, и даже не слышал, как засопела заснувшая Юла и богатырски захрапел Вася.

Ничего этого он не заметил, потому что смотрел сон. Цветной захватывающий сон.

Видел Андрейка, как разбитый мотоцикл снова собирается по частям, а погибший мотоциклист медленно поднимается с асфальта. Все, что было у мотоциклиста разбито и поломано, начинает на глазах срастаться, выпрямляться и заживать.

И вот уже не просто мотоциклист-байкер, а Вася-Ангел бежит навстречу ему, Андрейке, стуча ботинками по мокрому асфальту.

В асфальте отражается розовое рассветное небо. Вася подхватывает Андрейку и поднимает высоковысоко, прямо в рассвет. Тут же рядом, непонятно откуда, оказывается мама. Веселая, здоровая. Без косыночки на шее.

Как хотелось Андрейке, чтобы сон не кончался! Но даже там, во сне, он понимал, что это только сон...

Глава 17

Следующий день, как и ожидалось, был длинным и веселым. С утра начались разные смешные и неожиданные байкерские соревнования.

Вася-Ангел участвовал во многих конкурсах. А некоторые конкурсы сам организовывал.

Сначала был конкурс медленной езды. Два мотоцикла соревновались, кто медленнее пройдет дистанцию. Кругом стоял шум, крики болельщиков, но главное – рев моторов, дым и все прочее, что положено в таких случаях.

Вася выбыл где-то на уровне полуфинала. Наверно, он бы победил, если бы конкурс назывался не «Кто медленнее», а «Кто быстрее».

Андрейка хотел поддержать проигравшего Васю, подбежал к нему... Но Ангел совершенно не расстроился, а, наоборот, продолжал громко болеть за оставшихся, вскинув самого «утешальщика» к себе на плечи.

Каких только конкурсов не придумывали байкеры и в каких только конкурсах не участвовал Вася!

Два мотоцикла сцепляли тросом, и надо было ехать в разные стороны, чтобы перетянуть соперника за черту. Здесь Вася тоже не стал победителем, но пробился на почетное третье место, за что был награжден маленьким бочонком пива.

А дальше никто уже и не считал, сколько и каких завоевано призовых мест. Надо было возить в ложке куриное яйцо, собирать на ходу расставленные на земле банки с пивом, ездить «змейкой», когда после каждого заезда дорожные конусы выставляются все ближе и ближе друг к другу.

– Мозги сломаешь! – смеялся Вася.

– Мозги-то – ладно! Что им, мозгам, делается! – хохотал до слез Степаныч.

Байкеры отдыхали на полную катушку. Они толкали к цели большущие железные бочки, ездили на задних колесах, взлетали в небо...

Весь день на поляне стояла веселая кутерьма. Вечером состоялся «рыцарский турнир». Сначала «на всем скаку» попадали в цель копьем, а потом, съезжаясь, как настоящие рыцари, поливали друг друга пеной для бритья. Вот здесь Вася вышел победителем!

Последний конкурс, к сожалению, окончательно рассорил Васю с Юлой. Конкурс назывался «Сосиска». Над поляной на двух высоких палках натянули проволоку, а к проволоке на веревочке подвязали сосиску.

Девушка, сидящая на заднем сиденье мотоцикла, должна была от этой сосиски откусить кусок. Один за одним проезжали под проволокой мотоциклы с парочками. Девушки чуть ли не с ногами залезали на сиденье, чтоб отхватить кусок как можно больше.

Ух, как кричали и веселились болельщики! Как смеялись!

Ведь конкурс, как почти все остальные конкурсы, был шуточным! Но...

Андрейка видел, что Юла неловко привстала на сиденье. Поднимаясь, она боднула головой висящую сосиску. А потом, как ни старалась, не смогла ухватить ее зубами. Ну ни-сколечко не откусила!

Юле посвистели, но добродушно. Кричали, советовали потренироваться и попробовать еще раз. Но она обиделась.

Когда Андрейка подошел к отъехавшим в сторону Ангелу и Юле, та стояла красная и злая.

– Это ты, – почти кричала она на Васю, – ты ездить не умеешь!

– Юла, уймись, – снисходительно улыбался Вася. – Да это же ерунда! Давай проедемся, сделаем еще попытку!

– Не хочу я никаких попыток! Еще раз позориться!

– Но ты же участвовала первый раз!

– Откуда ты знаешь, первый или не первый!

– Ну, пусть не первый! Какая разница! – успокаивал подружку Вася.

– Никакой! Разница в том, что ты мне надоел! Ты и твой пацан! Не повернись, не шуми! Не матерись! А пошли вы оба на...

Андрейка знал, что на свете существуют *такие* слова. Он слышал их и от пацанов во дворе, и от взрослых, и здесь, среди байкеров. Конечно, Андрейка не очень-то представлял, что они означают – так, догадывался.

Мама никогда их не произносила. И тетя Вера. Вася – почти не произносил.

А тут – девушка... Да так много и некрасиво...

– Ну что ж, – пожал плечами Вася, – вольному воля. Не звал я тебя и не держу. Думал, получится у нас что-нибудь – не получилось. Хой.

– Да иди ты... – И Юла опять завернула что-то такое трехэтажное, с теми же самыми словами.

Когда Вася и Андрейка вернулись после конкурсов к палаткам, там уже не было вещей Юлы. Она ушла. Как стало ясно позже, Юла переметнулась к другой группе байкеров, стоявшей поодаль.

Глава 18

Вечером на поляне снова выступала рок-группа.

– Пойдешь? – спросил Андрейку Вася.

– Опять будут греметь...

– Нет, это – потише. Пошли.

– Вася, мне такая музыка не нравится.

– Интересно! Экий ты разборчивый. Видно, мне на разборчивых везет.

Наверно, Вася имел в виду Юлу. Все-таки она ушла, и от этого было грустно даже Андрейке, хоть Юла его совсем не жаловала.

– Нет, я не... Мне просто совсем другая музыка нравится...

– Тебе нравится другая музыка. Какая? Песенки из детского сада?

– Нет. Но песенки хорошие бывают. – Андрейка не мог не заступиться за песенки. Он ведь так любил музыкальные занятия в детском саду!

– Может, тебе нравятся песни Филиппа Киркорова? – усмехнулся Вася. – Ты слушаешь попсу?

Не очень-то Андрейка знал, что такое «попса». Но словечко такое слышал от мамы, а ей «попса» совсем не нравилась.

– Нет, – ответил Андрейка. – Попсу я тоже не люблю.

– Тогда какая же тебе нравится музыка?

– Знаешь... У меня она иногда бывает внутри...

– Что? Что бывает?

– Музыка...

Тут Андрейка напрочь смутился. Еще никогда и никому он не пытался рассказать о том, что бывает у него внутри. Даже маме он об этом никогда не рассказывал.

Ангел помолчал. Потом вздохнул и медленно произнес:

– Значит, у тебя внутри бывает музыка. М-да... А ты мог бы ее спеть?

– Нет... Ну, почти нет.

– Почему?

– Она такая... Она переменчивая... Инструменты у нее разные.

– Какие?

– Не знаю. Может, скрипки... трубы... Еще какие-то, но я не знаю, как они называются.

– И когда ты ее слышишь, эту музыку? Всегда?

– Нет. Иногда. Когда я один... Когда что-то происходит...

– А тогда, на крыльце, возле магазина... Ты ее слышал?

– Да.

– То-то ты так вздрогнул, когда я подошел. Тебе, малой,

наверно, надо музыке учиться. Вон как ты гитару Степанычеву терзал. Кстати, песни Степаныча тебе нравятся?

– Нравятся!

– Ну я, вообще, мог бы и не спрашивать. М-да... Я подумаю, что можно сделать... с твоей музыкой. Придумаем что-нибудь. А вот на концерт я тебе сходить советую.

– Почему?

– Давай мы встанем подальше, чтоб не так гремело. А ты попробуешь эту музыку понять. Человек сочиняет такую музыку, которая звучит у него внутри. Понимаешь?

– Конечно.

– Вот и представь, что творится внутри человека, который сочиняет такую музыку, а потом ее играет. И представь, эта музыка многим нравится. Значит, у многих людей внутри творится то же самое. Это рок, брат. Тяжелый или полегче... Это, понимаешь, музыка людей. Вернее, одна из музык.

– Ангел, а что, все байкеры любят такую музыку? Ну, рок?

– Нет. Хоть и говорят, что байкер без рока не байкер, но люди разные. Разные на свете люди живут, понимаешь? Вот у тебя внутри музыка, а у меня... Черт его знает, что у меня внутри! Когда я с крыльями, когда без крыльев... – подмигнул Андрейке Вася и сокрушенно махнул рукой.

– Вася!

Андрейка бросился к Ангелу, потому что ему очень захотелось его обнять. Но обнять он смог только здоровенную Васину ножищу.

– Вася! Ты добрый внутри!

– Ага, – скривился Вася. – «На лицо ужасные, добрые внутри!»

– Нет, ты и на лицо красивый!

– Ну, если и «на лицо»...

Андрейке так и не понравилась музыка, звучащая со сцены. Но он попытался представить себе, что чувствовал человек, сочиняя эту музыку. Как билось бесприютное и в то же время бунтующее сердце этого человека. Как этому человеку тяжело! Будто бы он, бедняга, ищет выхода и не находит его. Будто бы один за другим его покидают все друзья, все близкие и родные люди... Разбиваются мотоциклы и сердца... Рушится мир...

Тяжелый рок еще звучал, но Андрейка перестал его слышать. Потому что внутри него зазвучала иная музыка.

Это был ответ. Тому мучающемуся человеку и его гибнущему миру.

Вечернее небо с первыми звездами, лес вдаль. Мама и крепкая рука Ангела... Шоссе, идущее в рассвет, и надежный мотоцикл, летящий вдаль. Не разбивающийся, а крепкий, надежный мотоцикл, летящий вдаль.

Глава 19

– Не грусти, – сказал Васе Степаныч, когда узнал, что девушка покинула его друга. – «Была без радости любовь, разлука будет без печали».

– Может, я бы и грустил, если бы любовь была! – усмехнулся Вася. – Но что-то в этом есть. Наверно, во мне что-то не так. Один да один. Что-то я никак не обрету...

Вася не договорил, а Степаныч не стал спрашивать, чего никак не обретет Вася. Он просто хлопнул Ангела по богатырскому плечу.

Надо сказать, что хлопок у Степаныча неслабый. Даже от четвертинки такого хлопка Андрейка улетел бы метров на десять. А Вася-Ангел даже не пошевелился. Только глянул на Степаныча вечно удивленными глазами.

После концерта все снова собрались у костерка. Побреньчав немного на гитаре, Степаныч обратился к своей подружке:

– Что это ты, Линда, такая смурная сидишь?

– Чем я тебе не нравлюсь? – повела плечами стриженная под пацана Линда.

– Ты мне нравишься, но настроение...

– Да я из-за Юлы. Думала, она шутит. А она свалила. «В гробу, – говорит, – видала я твоего байкера!» Обещала, что лучшего найдет. Ангел, ты что, девчонку удержать не мог?

– За что я должен был ее держать? – поинтересовался Вася. – За руку или за ногу? Может, за волосы? Так это неэстетично. И больно. Я за руль держусь, пока еду. И то могу не держаться. Если по прямой.

– Это верно, – подытожил Степаныч. – Жены уходят и детей забирают. А тут Юла! Пришла, ушла... Закрутилась, укачилась... Одно слово – юла.

– Все равно противно как-то. Печально... – вздохнула Линда.

– Она тебе подруга? – спросил Вася.

– Да нет. Так, знакомая. «Познакомь, – говорит, – с байкером. А то я с байкером ни разу...»

– На заднем сиденье не каталась! – усмехнулся один из ребят, сидевших у костра.

– Типа того. Но все равно... грустно это.

– Что же тут грустного? – не согласился Степаныч. – Может, ей вообще будет лучше не с байкером на заднем сиденье, а с водилой каким-нибудь – справа спереди. А вот кто знает сорок пять причин того, почему мотоцикл лучше женщины?

– Чо, прям сорок пять? – вроде как не поверила Линда. – Чо, прям лучше?

– Исключительно и безусловно! Принимаю предложения! И предположения!

Наверняка байкеры играли в такую игру не в первый раз. Все сразу оживились, и причины посыпались со всех сторон:

- Мотоцикл не показывает характер!
- Байк забеременеть не может!
- О! Точно! Не залетит!
- Байк вас ночью не разбудит!
- И не спросит: «Ну, ты меня любишь?»
- Ага!
- Мотоцикл не убежит к другому байкеру...
- И глазки ему строить не будет!

Причины так и сыпались. Каждое высказывание встречалось смехом, комментариями и восклицаниями. Уже не только парни, но и девушки то ли вспоминали, то ли придумывали эти причины:

- Мотоциклы не храпят!
- Если байк сильно шумит, можно купить глушитель!
- Байк никогда не захочет провести ночь с другим байком!
- Или с автомобилем!
- Мотоцикл не расстраивается, если его день рождения забыть!
- У байков нет тещи!
- О-о!
- Бывшему мотоциклу не надо платить алименты!
- У кого что болит...
- Мотоциклы хранятся дольше!
- Перед тем как покататься, можно есть чеснок и лук...
- Пиво пить!
- И байк не скажет тебе, что ты, собака, опять нажрался!

– Ну что, Степаныч, набрали мы сорок пять причин?

– Не. Думаю, не набрали.

– Тогда сам добавляй!

– Думаешь, я такой всеведущий? Я просто знаю, что их сорок пять. А вот запомнить все – это пусть молодые практикуются.

– Мотоцикл никогда вам не изменит, – подытожил Вася. – Давай-ка, Степаныч, сыграй что-нибудь. Про дорогу.

– Нет, про любовь, – попросила Линда.

– Ну, как скажешь... – вздохнул Степаныч и прошелся рукой по струнам. – Про любовь так про любовь... Старая песня.

Костерок горел. Его пламя языками уходило в темное небо и там растворялось без следа. Немудреная мелодия, простые слова:

Ты у меня одна,

Словно в ночи луна,

Словно в степи сосна,

Словно в году весна.

Нету другой такой Ни за какой рекой,

Ни за туманами,

Дальними странами...

Андрейка сначала следил за пальцами Степаныча, а потом и сам начал подпевать.

Чтобы качать всю ночь
У колыбели дочь...⁶

Андрейка думал о маме. О том, что любит ее – сильнее
всего на свете.

⁶ Песня Ю. Визбора «Ты у меня одна».

Глава 20

После песен про любовь Ангел отправил Андрейку спать. Но ему не спалось. Он все пытался поразмышлять о том, что же с ним такое произошло за эти несколько дней, но подумать как следует – никак не получалось.

Мысли отрывочно бродили от Ангела к маме, потом к Юле, к громкой музыке, затем возвращались к музыкальному магазину, забегали к ребятам во двор, улетали в недоступный и манящий первый класс, а потом снова возвращались к маме, к Ангелу, Степанычу и гитаре.

Неизвестно, сколько времени ворочался Андрейка в палатке. Наверно, было уже очень поздно, когда к нему наконец протиснулся Вася-Ангел.

– О! Привет! – удивился он. – Ты еще не спишь?

– Не-а, – обрадованно ответил Андрейка. – Не сплю.

– А что ж ты делаешь, если не спишь? – укладываясь, спросил Ангел.

– Думаю.

– Славное занятие! О чем же?

От Васи пахло бензином и другими мотоциклетными запахами. А еще от Васи пахло пивом. А вот табаком не пахло: Вася не курил. Он так и говорил, когда его спрашивали, почему он не курит: «Ангел – это же дух! Он сам состоит из дыма! Так зачем ему еще дополнительный? Дым сигарет

ангелам летать мешает!»

– Так о чем же ты думаешь, малой?

– Так... обо всем...

– И что надумал? – допытывался Вася.

– Ничего.

– Много же ты надумал!

– Вася, а вот ты мне скажи...

– Секретов не выдам.

– Вась... А Юла из-за меня уехала?

– Нет. Из-за меня. Или из-за самой себя.

– А я боялся...

– Не бойся.

– Вась... Ну тогда скажи мне, почему ты остановился тогда, со мной, возле магазина? И потом приехал? Почему?

– А ты что, недоволен, что я за тобой приехал?

– Ты что!

Андрейка даже присел! Как это он может быть недовольным?!

– Ложись, ложись, – улыбнулся Вася. – Почему, говоришь?

– Угу!

– Да как тебе сказать... Я, когда тебя увидел, вдруг себя вспомнил. Я маленький был худым-худым, таким, как ты. Тощим! И в классе долго стоял в конце шеренги, когда по росту строились. Бывало, тогда одноклассники смеялись надо мной. Да и жили мы с мамой небогато.

– А папа у тебя был?

– Был. Я его немножко помню. Он умер от болезни, когда мне лет десять исполнилось.

– Тебе хорошо! У тебя папа хоть немножко побыл, а у меня его совсем нет!

– А куда же он подевался?

– Мама рассказывала, что он был альпинистом и разбился на горе Килиманджаро.

Название горы было трудным, но Андрейка давно запомнил его. Ведь это было все, что осталось у него от папы.

– Гм... – В голосе Васи прозвучали нотки недоверия. – Далековато, однако. Ну ладно. Может, и Килиманджаро. В жизни разные чудеса случаются. Давай спать!

– Вася, а когда ты мне секрет расскажешь?

– Отстань! Когда подрастешь!

– Когда в школу пойду – расскажешь?

– Посмотрим!

– Вася...

– Да чего тебе, неумная твоя душа?

– Вася, расскажи сказку!

– Что-о-о?!

Пришла очередь Васи-Ангела присесть.

– Сказку расскажи! – снова настойчиво попросил Андрейка.

– Ну, ты даешь! – Вася почесал затылок. – Я сказок-то не знаю. Про Курочку Рябу тебе рассказать, что ли? Или про

Колобка?

– Ну-у... – разочарованно протянул Андрейка. – Ты мне какую-нибудь волшебную...

Вася снова улегся, натянул на себя одеяло, усмехнулся и шумно повернулся к Андрейке.

– Сказку, говоришь? Тогда слушай!

Глава 21

Первая сказка Васи-Ангела

– Жили были дед да баба. Жили они вдвоем на одиноком хуторе. Вот однажды дед и говорит:

«Слышь, баба, что-то я, в натуре, закисать стал. Не пора ли мне старые кости размять да прокатиться куда-нибудь, хоть в деревню. Живем мы с тобой, как нелюди, на выселках! А не сварганить ли нам с тобой хорошенький байк? И тебя, старую, с ветерком покатаю! Будешь у меня вторым номером!»

А старуха и отвечает:

«Ты что, старый, белены объелся? Каким таким это я буду „номером“? У нас есть нечего, а ты о дурацком байке задумался! На него же кучу денег надуть!»

Старик репу-то почесал.

«А ты по сусекам поскреби, по амбару помети! Заначки достань, из чулка денежки-то повытряхивай! Да из банки с мукой вытащи! Уже сколько лет их от меня ховаешь! Смотри, жучок денежки-то пожрет! А так мы их на хорошее дело употребим».

Долго сопротивлялась старуха, отнекивалась. Не хотела признаваться, где денежки прячет. Но наконец уговорил ее

старик. Собрали они все денежки, что у них дома имелись, и пошли в мастерскую – байк себе заказывать.

Вот дед мастеру и говорит:

«Ты, – говорит, – войти должен в наше положение. Денег у нас немного, а байк мы хотим хороший, быстрый. И чтоб блестел, как „Харли-Дэвидсон“! Ты уж, милоч, постарайся!»

«Ладно, – отвечает мастер. – Для хорошего человека чего ж не постараться! Приходи через пару недель – будет тебе байк, не хуже „харлея“!»

На том и порешили.

Через две недели пришли баба с дедом в мастерскую, и тут мастер выкатил им... чудо, а не байк! Весь сияющий, разрисованный! Сиденья кожаные, все в «макаронах»!

«Принимай, старый, работу!»

«Ну, прям „харлей“! – обрадовался дед. – Ай да мотик!»

«Да, – говорит мастер. – Я, конечно, старался, но, думаю, против настоящего „харлея“ он не потянет – мощность не та. Деньжат на запчасти маловато было. А так ничего – сам видишь!»

Уж как дед мастера благодарил! Волшебником называл!

Ну, покатали баба с дедом свой мотоцикл домой. Даже сесть на него бояться, чтоб такую красоту не запачкать.

Прикатали домой, поставили прямо в хате – всё любуются.

А ночью... Заснули дед с бабой, а мотику нашему надоело в хате стоять, вот и выкатился он себе на дорожку.

Катит он по дороге, катит. Ветер в лицо ему дует, солнышко встает, на жестянках блестит...

Глядь, а навстречу ему совкоцикл⁷. Просто какой-то несерьезный дырчик по дороге тарахтит. И говорит этот нахальный Дырчик нашему мотику:

«Эй ты, кружок „Умелые руки“! Давай прокатимся по дорожке до вон того деревца. Увидишь, как я тебя сделаю!»

«А то! – отвечает наш Дырчику. – Давай прокатимся, коли не шутишь. Еще посмотрим, кто кого! Я-то почти „харлей“, а ты кто?»

Развернулись они и покатили.

Взревел наш байк и в шесть секунд Дырчика обогнал. Только газ выхлопной прямо Дырчику в нос пустил. Порадовался наш, что так легко Дырчика победил. Ну, и катит себе дальше. Глядь, а навстречу ему Ведро с болтами. Старое уже, поношенное.

Тут Андрейка не выдержал. Спросил:

– А что это за ведро?

– А-а... извини. Это мотоцикл такой, называется «кавасаки».

– Почему же он – «ведро с болтами»?

– Потому, что он – ведро с болтами. Не перебивай. Короче, этот Кавасаки к нашему пристаёт:

«Давай, – говорит, – прокатимся. Вон до того камешка. Увидишь, самоделка, как я тебя сделаю!»

⁷ Совкоцикл – мотоцикл отечественного производства (*байкерский сленг*).

«Давай, – отвечает наш. – Я от бабки с дедом сам укатился. А до тебя Дырчика победил. Еще посмотрим, кто кого! Я почти „харлей“, а ты кто?»

Короче, моторы взревели. Не сразу, но сделал наш этого японца. Выхлопными газами ему в нос пульнул и покатил дальше. Радуетя, что так легко Кавасаки победил. Ну и катит себе дальше. Глядь, а навстречу ему – великан японец, настоящий ВТЫК. Это тоже байк такой, большой, «Хонда VTX». Правда, как и «кавасаки», не новый. Битый, жизнью покоцанный, но о себе мнения высокого. Рычит ВТЫК, как медведь...

Тут Андрейка не выдержал во второй раз:

– Ангел, это же сказка «Колобок»!

– Да? – удивился Ангел. – Я и не думал, что это «Колобок»! Я думал, это «Харлей-в-бок»!

Тут Андрейка с Ангелом так захохотали, что чуть не свалили палатку. Ангел чуть не свалил, конечно. Но еще неизвестно, кто громче хохотал!

Когда оба отсмеялись, Андрейка спросил:

– А кто же съел бедного мотика?

– У тебя, брат, ни капли терпения нет! Ты еще про ВТЫКА не дослушал! Я еще даже не порычал как следует!

– Про ВТЫКа – все и так ясно! Но ты – порычи!

Вася привстал, раскинул руки, как медведь, и зарычал со всей своей мочи. У Андрейки аж уши заложило. А кто-то из соседней палатки слева крикнул:

– Эй вы там! Может, прийти помочь?

– Нет! – прорычал Вася. – Я тут сам справлюсь!

– Да уймись вы, наконец! – прокричали из палатки справа.

– Никто не поверит, что я ребенку сказку рассказываю! – подмигнул Андрейке Ангел. – Ну, поехали дальше. Потому что плохо ездит тот, кто не доезжает до конца.

Глава 22

Окончание первой сказки Васи-Ангела

– Катит наш мотик, катит, – продолжал сказку Вася, – глядь, а навстречу ему усталый тяжелый Харлей. Наш-то бак выпятил – и к нему:

«Привет, Харлей! Ты меня не узнаёшь?»

«Не-а», – отвечает Харлей.

«Зря ты так. Все говорят, что я ну просто вылитый ты!»

Харлей-то, несмотря на то что силач, оказался машиной добродушной. Чтоб молодого не обидеть, он и отвечает уклончиво:

«Ну, может, что-то есть... неуловимое...»

А молодой да самодельный хвастается:

«Знаешь, какая у меня мощность? Знаешь, какая у меня скорость? А посмотри, какое у меня сиденье! С „макаронами“! А у тебя никаких „макаронов« нет“.

«Да, – отвечает Харлей. – Я как-то так живу... Без лапши на ушах».

Наш мотик не успокаивается:

«А давай вон до того поворота прокатимся! Ведь я, знаешь, от деда с бабкой сам убежал!»

«Это от каких деда с бабкой? – спрашивает Харлей. – От

тех, что тебя в мастерской заказали?»

«Ага!»

«И ты этим гордишься?»

«Ага!»

«Ну-у...» – протянул Харлей.

Видимо, он хотел что-то сказать молодому мотику, но тот не дал ему даже слова вставить.

«А еще, – продолжал рассказывать молодой, – я Дырчика обогнал, в шесть секунд!»

«Дырчика?» – переспросил Харлей.

«Ага!»

«И ты этим гордишься?»

«Ага!»

А из молодого так и сыплется:

«Еще я обогнал Ведро с болтами! И ВТЫКа! И вообще! Я кого хочешь обгоню! Так что давай! Давай до вон того поворота! Увидишь, я и тебя сделаю!»

«Ну, если ты настаиваешь...» – покачал рулем Харлей.

Встали они рядом.

Наш мотик аж приплясывает, а Харлей спокойно так стоит, на дорогу поглядывает. Ну, и рванули.

– Бедный мотик! – в третий раз не выдержал Андрейка.

– Да, брат...

Короче, с пол-оборота обошел его старик Харлей. Ну, а наш-то, пыжился, пыжился, ломился как оглашенный, ну и...

– Только не говори, что разбился! Пусть лучше заглохнет! – попросил Андрейка.

– Ладно... Ушатать⁸ байк – дело не хитрое. Вот удержаться – похитрее будет!

В общем, заглох наш молодой – и юзом в кювет! А Харлей крякнул и покатил своей дорогой, скорости положенной не превышая. Тут и сказочке конец, а кто слушал – молодец.

– Подожди, подожди! – остановил Ангела Андрейка. – А как же дед с бабкой?

– Как? Нормально. Дед плачет, бабка плачет, а курочка кудахчет: «Не плачь, дед, не плачь, баба! Я снесу вам другое яичко, не золотое, а нормальное, которое я для того и снесу, чтоб сделать из него яичницу и ничем другим не заморачиваться!»

⁸ Ушатать – погубить, разбить (*байкерский сленг*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.